

Эмануил Глускин

Приглашение на Жизнь

2018

УДК 82-3
ББК 84-4
Г55

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Глускин Эмануил
Г55 Приглашение на Жизнь / Эмануил Глускин. — [б. м.] : [б. и.],
2018. — 132 с. — [б. н.]

Книга мотивирована не столько самим «Приглашением на Казнь» В. В. Набокова, сколько своеобразными философскими «траекториями» этого очень поэтичного прозаика, в этом огромном, Б-ом данном пространстве (или пространстве-времени) человеческой жизни — как человеческой пошлости, так и человеческих страданий. Стихи — почти все с биографическим оттенком — органически связаны с основным текстом.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Эмануил Глускин, 2018
© Ирина Титова, иллюстрации, 2018
© Эмануил Глускин, иллюстрации, 2018

**Памяти покойного Йоси Баная —
Выдающегося Израильского
Барда, Сатирика, и Воспитателя...
всех.**

**Он как-то сказал об одном
молодом эстрадном «герое»:
«Всё воет и воет — сколько
можно?!
Вопрос в том — есть ли ему что
сказать?»**

**Действительно — ЧТО есть ему
сказать, и на каком коне ему
скакать?! Изрядно сказано —
пускай его потужит, пускай перу
пророков он послужит Но КТО
его родная мать?**

К читателю

Это трудная, почти как учебник, работа — мотивированная как важностью и сложностью затронутых тем, так и их (для меня) романтичностью и поэтичностью, идущими — хороши они, или нет — прямо от сердца. Моя откровенность выражает доверие и уважение к Вам, дорогой Читатель, хотя, когда я что-то пишу — у меня всегда немного есть чувство, что я готовлю контрольную, а чтобы она была проще (а то уволят из колледжа!) — в ней нужно, хотя бы немного, использовать старые домашние задания.

Как в смысле упомянутой откровенности, так и в смысле всего стиля письма, Святым Покровителем настоящего сочинения, который мог бы быть найден в анналах русской литературы, скорее всего был бы Игорь Северянин, который как-то сказал с обычной своей смелостью:

Что до того что скажет Пустота
Под шляпками, цилиндрами и кэпи!
Что до того! — Такая нагота
Великолепней всех великолепий!

Первое домашнее задание

Для простейшего введения в основные мысли настоящего сочинения, автор просит читателя распределить следующие эпиграфы — по наиболее подходящим им параграфам.

Эпиграфы

(«Автор» — Эмануил Глускин)

Если рождающемуся можно дать приглашение на казнь, то есть, на смерть, то почему умирающему нельзя дать приглашение на жизнь?

(Из частного письма).

В каждом человеке надо прежде всего видеть что-то хорошее.

Менахем-Мендел Глускин (мой дед по матери)

Скажи человеку, что он хороший — и он действительно станет хорошим; скажи ему, что он плохой — и он действительно станет плохим.

Лев Х. Вильскер (мой отец)

Без умения прощать нет ни любви, ни дружбы.

Автор

Я предпочитаю быть глиняной черной сковородой, пекущей белые блины

Григорий Сковорода
(в ответ на упрёк в недоработанности своих произведений)

Когда красавица — от которой можно легко потерять голову — на тебя смотрит — это очевидное «Invitation to Beheading» («Приглашение на Казнь/Обезглавливание»), и то что (цитируя Набокова) «сообразно с законом, смертный приговор объявляется шёпотом» — в этом случае более чем понятно. Чем тише — тем страшнее.

(Из разговора друзей)

«Будете ли вы стрелять, или нет?» «Не буду, — отвечал Сильвио, — я доволен.»

А. С. Пушкин, «Выстрел»

«... питаться поневоле приходится действительностью,
но задаваться идеалами тоже значит жить»

А. А. Фет, «Воспоминания»

Приглашение на казнь, — это когда одна красавица начи-
нает вести трамвай, а другая проливает подсолнечное масло.

«Воланд»

Первый признак начала познания — желание умереть.

Франц Кафка

mortuos plango, vivos voco — оплакиваю мёртвых, зову
живых.

(Latin expressions)

Не следует казнить седло за вину осла.

М. Сервантес

Человек, считающий свою жизнь бессмысленной, не только несчастлив, но вообще едва ли пригоден для жизни.

А. Эйнштейн

Да, но он иногда забирает с собой жизни других.

(Замечание автора)

Суть жизни — самого себя найти.

М. Икбал.

Я не стараюсь танцевать лучше всех остальных. Я стараюсь танцевать лучше себя самого.

Михаил Барышиков

Я не пою для всех — я пою для каждого.

Эдит Пиаф

Ни солнце, ни смерть, нельзя разглядывать в упор.

Ф. Лерошфуко

Если вы начнёте судить людей, у вас не хватит времени на то, чтобы любить их.

Мать Тереза

Кто понимает лишь то, что можно объяснить, понимает немногое.

Мария Эбнер-Эшенбах

Больше всего мы делаем обычно тогда, когда думаем, что делаем слишком мало.

Мария Эбнер-Эшенбах

Только в те мгновения, когда вы действительно видите людей смешными, вы действительно понимаете, как сильно вы их любите.

Агата Кристи

Повышенная чувствительность есть и у других, но они боятся в этом признаться, а я не боюсь.

Поль Сезанн.

Поэт всегда прав.

Анна Ахматова

Стихи, даже самые великие, не сделают автора счастливым.

Анна Ахматова

Главное: не теряйте отчаяния.

Анна Ахматова

Нету ведьм, но надо быть осторожным.

(Аргентинская пословица)

То, что сегодня нету никаких ведьм, ещё не значит, что они не могут вдруг все появиться завтра.

Автор

В хорошей книге больше истин чем хотел вложить в неё автор.

Мария Эбнер-Эшенбах

Горе прежде всего заставляет человека узнать, что он собой представляет.

Мария Антуанетта

Иметь врагов — древнейшая привычка человека, а следовательно, и сильнейшая его потребность.

Ф. Ницше

Бурное страдание всё же предпочтительнее вялого удовольствия.

Ф. Ницше

Следует любить друга, помня при этом, что он может стать врагом, и ненавидеть врага, помня, что он может стать другом.

Биас

О мужественное сердце разбиваются все невзгоды.

М. Сервантес

Нельзя быть справедливым, не будучи человечным.

Л. Вовенарг

Судья, осуждающий невинного, осуждает самого себя.

Публий Сир

В России нет дорог, — одни направления.

Наполеон

У счастья и у любви нет дорог, — одни направления.

Автор

Дело в том, что вы всегда знаете, как правильно поступить, но самое трудное — это поступить правильно.

Н. Шварцкопф (американский генерал)

Будьте внимательны к вашим мыслям — они начало поступков.

Лао-Цзы

Романтизм «Алых Парусов» Грина, — это романтизм отрыва от действительности, и поэтому мало чему учит, хотя и может легко захватить чувствительного подростка (но это не обучение, а использование читателя). Романтизм «Дикой Собаки Динго» Фраермана — это романтизм терпеливого углубления в суровую действительность, и потому более полезен для воспитания и подготовки к жизни.

(Из мыслей учителя)

...поэт возводит явление в десятизначную степень, и скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас относительно чудовищно уплотнённой реальности, которой оно обладает.

О. Мандельштам

Древнееврейский язык очень красив и звучен. Когда слышишь его, чувствуешь всю пламенность, всю горячность этой тысячелетней расы.

А. Вертинский (из воспоминаний
«Дорогой длинною...»)

Мы знаем истоки Пушкина и Блока, но кто укажет, откуда донеслись до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама!

Анна Ахматова

Где-то в Германии начинал писать В. Сирин (Набоков), уже совершенно не связанный с Россией и почти чужой. Его романы были увлекательны, как фильмовые сценарии, и абсолютно внациональны.

А. Вертинский (из воспоминаний
«Дорогой длинною...»)

Но всё-таки, во вненациональном пространстве «Приглашения на Казнь» появляется старичок-еврей. И именно это его одиночество там и является интересным, как и его (совершенно ясная мне) национальная точка зрения.

(Замечание автора)

Смелые слова Жанны Кальмон «*У меня всего одна морщина, и я на ней сижу*» было бы невозможно процитировать перед уважаемым читателем, если бы мы не говорили о приглашении на ЖИЗНЬ. Где же, чёрт возьми (ч.в.), жизнь, если не ТАМ?!

Автор

Чтобы найти в современном Риме древний город — нужны были усилия археологов. А вот «старый город» нашей юности, который находится где-то в нашем сознании — нам вполне доступен. С другой стороны, не так уж трудно, в принципе, восстановить, и даже красиво достроить каменные стены, а вот в отношении того города что в нашей памяти, кажется, что поскольку молодость уже не вернётся, ничего там достроить нельзя. Но я читаю сейчас «Лолиту» Набокова, и ясно вижу, что ЕСТЬ гении, которые МОГУТ достраивать свой Старый Город!

Автор

Жизнь — это наиболее демократичная и интересная казнь,
которую только можно себе представить!

Автор

Я уважаю того, кто уважает меня сегодня.

(Одна монахиня Псковской Области)

Дайте нам одну новую теорему, и мы докажем сорок дру-
гих.

Е. С. Федоров (великий русский
кристаллограф)

Исходное положение

Знаменитую космическую путешественницу Лайку следует всесторонне обследовать, хорошо накормить, надеть на неё вязаный пуловер, и наградить медалью. Но устраивать над ней суд неинтересно. Для этого надо найти какого-нибудь старого еврея, которому действительно есть что рассказать. Поэтому, мы солидарны с Набоковым в том, что он так и не устроил расправы над Цинциннатом, и казни и крови, да и суда то, не было, и попробуем как-то это исправить нашим скромным пониманием истинного смысла космических путешествий, то ли Лайки, то ли Цинцинната, то ли некоего их объединения — чтобы никто не захотел (а это сегодня в моде) предположить, что никакого путешествия на самом деле и не было. Да было оно, конечно, и даже весьма романтическое. Ну не положили же в спутник дохлую собаку вместо кошки, и направили эту собаку к Зодиаку только из-за рифмы?! Я это решительно отрицаю на основе своих научных знаний, несмотря на то, что на балконе у Пилата сам не стоял, руки мыл не так часто как он, и с тем, кто там стоял, стараюсь дела не иметь. Для меня искусственный спутник — это просто часть смоделированного Ковчуга Ноя. А упомянутый подходящий еврей найдётся — не волнуйтесь. Где же нас, подходящих то, нет? Всегда хватало.

Уверяю вас что наш герой, старичок-еврей — тоже космический путешественник, не хуже Цинцинната, просто шкала времени другая, а поэтому и романтика и философия его траектории — тоже другие. Как и всякая такая «космическая траектория», и эта тоже — просто некоторая тропинка в тех же джунглях проблематичной человеческой психологии, которые так интересовали Набокова. А то что я знаком именно с этой тропинкой, эти джунгли очень мало меняет. Траекторию Набокова мы определяем так: все данное пространство — это насыщенный раствор мыслей и чувств, в котором летящий герой — это кристалл, растущий из этих

мыслей и чувств, как обычный кристалл растёт из насыщенного раствора молекул.

Но будет ли этот кристалл пушкинским кристаллом, через который что-то начинает проясняться — ещё не ясно. Если это важно, — то это требует доработки. Поэтому каждый автор, принявший концепцию Набокова, должен выбрать ту траекторию, с которой он может работать, и «вне-национальность» Набокова, отмеченная Вертинским, очень важна. Я думаю, что тот почёт, который несомненно заслуживает Набоков, не будет ему дан, если эта степень свободы не будет использована «философскими» авторами разной национальной ментальности, и настоящее сочинение — всего лишь некоторый мотивирующий пример.

И ещё я хочу поделиться с читателем своими мыслями о старости. Скрытое величие рассказа Э. Хэмингуэя «Старик и Море» — в интуитивной корреляции простора моря и простора времени жизни Старика. Море превращается в лужи через испарения и осадки, и старость теряет свои степенность и достоинство через проявления дряхлости. Старичок-еврей, которого будут тут судить, тоже относится к неким просторам, и то что гений Набокова дал ему удить рыбу в канале без воды — не случайно — у этого старика ведь никогда не было и не будет моря воды — только море горя, хотя есть мнение (см. напр. Britannica) что Колумб, который искал за океаном (конечно революционное) будущее — был евреем.

Конечно, в обычном физическом смысле старость уродлива. В частности, носы с возрастом не становятся красивее, даже если это и чудесный распускающийся цветок обычной еврейской шестёрки.

Но на лице старика может быть видна красота его артистического мышления. Это мышление — как бы серебряная плёнка на задней поверхности стекла старого дорогого зеркала из аристократического дома, и молодой красавице (у которой ещё нет никакой серебряной плёнки на самой задней её поверхности) может быть очень даже интересно увидеть КАК она отражается в этом зеркале, — то есть

КАК она этого старого интеллектуала-артиста впечатляет. Ну нечто вроде:

Ах! Я не зря живу на свете,
Вся в трепете девичьих крыл —
Меня Эмануил заметил
И в гроб сходя благословил!
Да! Просто для меня он БЫЛ,
И не забыл, и не остыл,
И в этом мире не оставил,
И мою скромность не простил!

Внимательный читатель заметит, что дело не только в молодой красавице. Например, то как я пишу тут о моей маме и моих детях — может правильно отражать то, как какой-то (любой) читатель думает о своей маме и своих детях.

Конечно, заменяя Цинцинната на старичка-еврея, мы в известной степени заменяем Лайку на зазнайку. Но, как говорят адвокаты, в этом нет ничего плохого кроме хорошего.

Но как это, всё-таки, возникло?

И подумал один Старый Друг — Да никакой особой роли этот старичок-еврей у Набокова не получил, но он спровоцирует Эмануила (который и сам такой), и никуда этот растяпа от пера не денется, и да узнаем мы что-нибудь интересное из Еврейской Мудрости!

И подумал Эмануил: — Ну не откажется же сам то он защитить свою любимую книгу от этого хулиганства! Уж не упустит он возможности восторженно высказаться о поэтичности Набокова, и критически по поводу моей Аристо-тельской романтики, которую многие разумные читатели (а на теле

любого философа есть такие ...) отругали бы, если бы не понимали, что моя бочка Диогенова подпрыгнет от ярости и покажется прямо на них!

И ещё — думал Эмануил — нужна бы мне помощница по печати, и защитница, — но не такая про которую в Одессе говорят: «Где брошка — там перёд», или та, у которой на груди, как у купца Калашникова, весит медный крест со святыми мощами из Киева, или та, которая ходит на медведя с веточкой-рогатиной, и своею вмятиной, — а та у которой на груди весит шестиконечный щит Давида в форме маленькой золотой звёздочки! И тогда вот я — в мои то 68, да с семьёю внуками — отомщу своей старухе, за всё-всё, тем что возьму и **не** влюблюсь в эту машинистку — даже если и найду её — и не сможет моя старая обрадоваться тому что у её психа — который по ночам бредит формулами — появились какие-то, хоть и очень отдалённые Признаки Жизни.

Но где же взять такую помощницу лихую, чтобы ей за всё сказать «дякую»!

И подумала эта самая Воображаемая Машинистка, — та самая, которой нет и не будет — разве что это и есть сама Муза: Ай, — да ну его! Но хоть немного спасу я честь России где мы оба учились — набросив на этого неуёмного романтика и наивного внука Главного Раввина Ленинграда смирительную рубашку Моего Разума и Русской Грамматики!

Да! Так это и началось, и пошел Эмануил — по странным мирам своим к берегу Тёплого Моря, и из его рваных штанов было видно его непролетарское происхождение, а не обычная ракушка.

А любовь его молодости, Татьяна Ларина, тут же ехала в карете с поднятым задом, и море смеялось тому, как же все студенты покойной тётки Эмануила, Софьи Менделевны Глускиной (которая его воспитывала в Пскове, и записывала хохмы своих студентов), были литературно образованы!

Ах, этот Псков и эта река, — которая называется Великая — но вовсе не из-за (не такой уж и большой) ширины своей, —

а из-за величия человеческих (русских и других) жизней и душ
вокруг!

И всё новые, тут как тут,
Облака на меня вдруг плывут;
И все вместе как войско насели, —
Так заносит зелёные ели
К рождеству заострённые пикой
Снег в России иконоликой;
Так, как в марте или апреле
Лёд идёт по реке Великой...

И подумал преступно и подпольно начитанный Эмануил:
индо взопрели рифмы родимые, рассупонилось солнышко
моего творчества, и, обойдя черту своей литературной оседло-
сти, унюхал я портяночку своей фантазии, и аж заколдобил-
ся. И порешу я себя, горемыку, на это отчаянное начинание —
«Приглашение на Жизнь», и да выйдет что-то из этого, с Б-ей
помощью.

И взвился, от ступней его и до самого его секретного мыс-
лей-хранилища, пламень яростный, — смело сиё деяние Эма-
нуила в нём пожирающий, в знак того, что угодно это деяние,
это жертвоприношение, Гос-ду. И да будет это пламя счастли-
вым огнем Авеля, и да сгорят в нём, и стружки от каранда-
шей, и всякие разночтения ничтожных критиков, дабы оные
и сунуться сюда не посмели без приглашения!

Начинается!

Так вот, после того, как произошло воскрешение мертвых,
начавшееся — как было обещано, — на Масленичной Горе, сра-
зу к востоку от Старого Города (и недалеко от того места где
живут — буквально в Арабской деревне — два из моих четырёх

иерусалимских внуков), и степенный лях Станислав Ежи Лец смог снова сказать вместо «спасибо!» — «Во всем виноваты евреи, потому что это их Б-г нас создал», — вот тогда и вернулся к нам Владимир Владимирович Набоков (далее, **В. В.**), и заметил наше нижеприведённое стихотворение, истинно замечательное в смысле известного высказывания Пушкина, о том что стихи должны быть немного глуповатыми.

Дело в том, что в «Приглашении на казнь» жена директора присылает Цинциннату в камеру сливы, а великий физик Вернер Гейзенберг пишет в своих воспоминаниях, что он как-то заснул в поле, и его разбудила там девушка и накормила СВЕЖИМИ СЛИВАМИ... Ах!

Эта тема в книге нема —
Возмутительная серость
Что она не разгорелась!
Надо бы её раздуть, —
То есть, сделать поворот...

Ну, приятели, — так вот —
Потряса честной народ
И романа неба синь,
И, учтя, что буквы кривы, —
Предлагаем заменить
«Приглашение на Казнь»
(Я ведь вам не Стенька Разин...)
«Приглашением на Сливы».
Это раскрывает виды...
Как это — вы напишите
На отточенном иврите
(Я прошу вас — без обиды!) —
Быть в пещере без Аиды,
Лишь имея вид на сливы
И на сливовые нивы!
И под неба сливы синь —
Пригласим мы вас на ЖИЗНЬ!

Увидев эти, правильные по Пушкину, строчки, воскресший В. В. воскликнул: — «это свежая мысль!», и надо признать, что слова эти ввергли Вашего покорного слугу, — который играет тут роль воспитателя Цинцинната, да и самого Цинцинната, в глубокую задумчивость.

Конечно, это бесспорно, что сливы, присланные женой директора, должны были вдруг стать спелыми и свежими, — для того, чтобы Цинциннат их ел со здоровым мужским аппетитом (то есть, чтобы аппетитная жена директора так хорошо его кормила своими сливами), — но слово «мысль» привело бы тут даже профессора философии в серьезное замешательство.

Действительно, — какая тут, к черту, мысль, когда всем прекрасно известно, что для **такого** пищеварительного процесса — кому ума не доставало?

Так что никакой проблемы с умом, тем более горя от ума, тут и в помине нет.

Но уж раз дошло дело до женщин — то как не вспомнить что даже Нина Чавчавадзе считала своего мужа мыслящим человеком, несмотря на то, что персы разорвали эту крошечку великой Российской Империи на кусочки, от которых, возможно, и пошли всякие старички, к России уже не относящиеся, и столь пугающе непонятные, от которых (верь!), все беды человеческие и происходят!

Во всяком случае — думал растроганный сливами и всё-видящий Цинциннат — все должны помнить, что ум приносит не только горе, — но и поедателей грибов!

Да! Это был истинно замечательно-замечательный День Мысли! Цинциннат даже вспомнил, что его настоящее имя Кезон, а это его отец был Цинциннат Люций Квинций. Это был прекрасный отец, образец республиканских добродетелей и добрый сосед Понтия Пилата, и если бы наш Цинциннат меньше говорил и умничал, то настоящий Цинциннат никогда бы не разорился, платя штрафы за своего несерьезного сына!

Но мы будем продолжать звать нашего героя «Цинциннат». Во-первых, потому что «цинцЕнет» на Иврите это «банка»,

и это обеспечивает сохранность. Во-вторых, потому что ребенку меняют (добавляют) имя, обычно выбираемое раввином, только если этот ребёнок серьезно болен.

Следующей мыслью Цинцинната было то, что, хотя в их семье не было Цезарей, но по некоей разумной аналогии с этими злодеями, тема казни и смерти должна была все-таки стать стержнем истории их семьи. И это поэтому, после заката солнца, в его камере становилось так темно и холодно.

Тем временем — и именно там, в камере — время и место чудесно переплетались, и, увлеченный своим непривычным мыслительным процессом, Цинциннат стал с сожалением думать о судьбе своего любимого автора — В. В..

Эта новая тема была много проще, и в нее стоило погрузиться, чтобы голова немного отдохнула.

Всё крутилось вокруг того факта, что отца В. В. — Владимира Дмитриевича — убил белогвардеец — черносотенец. Это было интересно, потому что, черносотенцы обычно убивали евреев, а евреи совершенно поразительный народ. Действительно — несмотря на то, что каждый еврей вроде бы хороший, а в одном месте (эти нижние детали будут и обсуждаться тут ниже) даже красивый, — все вместе они всегда очень плохие.

Это поистине уникальное свойство этих избранных (а тут, на научном уровне — рассматриваемых) существ, относительно которых Цинциннат пытался строго доказать (но, на полях той книги о народах, которую он тогда читал, не хватило места), что чем меньше евреи занимают пространства, тем дольше они существуют во времени. И тюремная одиночка начинала казаться ему самым прекрасным местом на свете.

Будьте уверены — думал Цинциннат — что если в России останется только полтора еврея, то уже это одно будет причиной всех бед и несчастий, накопившихся в этой добродетельной и абсолютно невинной стране, в которой каждый мужик ходит на медведя только с топором и рогатиной, и даже не всегда насилует бедное животное, — до или после!

Цинциннат был так сердит на жестоких евреев, что ему даже показалось, что он и сам еврей, и вот он стоит на крыше

со скрипкой Страдивари, играет золотым смычком, и Марк Шагал идет к нему с мольбертом. А вот он уже стоит на той же крыше с автоматом, держа его, как скрипку, т.е. прикладом под подбородком, и водит по автоматическим струнам дубинкой, которая своим ремешком так умно одета на кисть руки, что никакой слушатель — любитель музыки, даже тот, у которого на голове повязка стукнутого безумца, не сможет эту дубинку выхватить и ударить нашего скрипача по ермолке, ... и Марк Шагал удаляется от него.

У меня есть идея — пробормотал Цинциннат, пользуясь своим временным положением еврея, — ещё одна типичная еврейская идея, появляющаяся на свет — а сколько их уже народилось! Вот держу я в руке череп и говорю какому-то анти-семиту: «Это ты, Бедный Йорик!» И тут вдруг оказывается, что внутри этого черепа спрятан булыжник, и я тррахх этого анти-семита этим черепом по башке!

И вот с этим, — оказавшимся (по еврейским понятиям) довольно успешным, ударом, начинается наша узкая, но очень надёжная, тропинка Еврейской Темы — ведь никакой другой дороги или тропинки мы, к сожалению, не знаем — и именно она поведёт нас через этот почти непроходимый лес и космос общечеловеческой психологии и жизни, который так интересовал В.В.. И пойдём мы в грубых сапогах, с ржавым ведром, в долгий путь с буреломами и крутыми оврагами, и подобно тому как люди искали золото, а нашли нефть, — не найдём мы ни алых парусов, ни аленького цветочка, ни спящей красавицы, ни даже избушки на курьих ножках, — а нечто без чего настоящему и жить-то нельзя, и даже целого ведра на всё это не хватит!

Но, сказала же Алиса в стране чудес: «Как польза от книг без картинок и диалогов?», — и многие читатели возмутятся отсутствием даже аленького цветочка! Придётся пойти на компромисс, и в конце нашего повествования, самый настоящий Чёрт всё-таки появится!

Мысли мои, мысли... думы мои, думы

Конечно, тут было над чем подумать, но весенний снег уже таял, сначала у Константина Коровина, потом у Исаака Левитана, а затем и на всероссийском императорском дворе, где лежала в луже огромная свинья, сначала на правом, а потом на левом боку, и так, наслаждаясь апрельским солнышком, — раз в 300 лет, со страшным визгом и шумом переворачивалась с одного бока на другой. Разлетавшиеся при этом брызги чудесным образом превращались в памятники разным вождям и руководителям, которые быстро росли и как монументы, и в своём числе.

Ах! Б-же мой! И зачем это какому-то старичку-еврею понадобилось щекотать соломинкой в ухе этой очаровательной, мирно и сладко спящей свиньи — совершенно непонятно!

Было ли это потому, что Моисей написал в Ветхом Завете, что **ЕВРЕИ ДОЛЖНЫ НЕСТИ СВЕТ ДРУГИМ НАРОДАМ**, — как будто свет сам не способен распространяться — или это было потому, что не было услышано возражение этому в Новом Завете, — да-да именно ЭТОМУ, потому что будучи в детстве и отрочестве учеником Иешивы, Христос прекрасно знал Ветхий Завет, и именно ему возразил, сказав, «...И НЕ МЕЧИТЕ БИСЕРА ПЕРЕД СВИНЬЯМИ, ДАБЫ НЕ РАЗЪЯРИЛИСЬ ОНИ И НА ВАС НЕ НАБРОСИЛИСЬ»?

Эти слова Христа были очень серьёзным предупреждением евреям, — предупреждением великого пророка, но — позвольте заметить — не того, кто просто благообразен и закатывает глаза — как думают те, кому религия нужна только как украшение стен — то есть попросту не нужна. Ведь для людей серьёзных — даже не христиан (а надо же вам, господа присяжные, уважать всех!) — Христос — это тот, кто УМЕЛ МОЛИТЬСЯ за людей, и прежде всего за народ своей матери. Позвольте признаться читателю, что:

НАМ это был великий страх —
Прорвалось что-то в небесах
Сверкал зигзагами прокол,
Звенел-гремел в нас всякий колокол,
Холмы Иерусалимские тряслись,
По ним ручьи с небес стремились...
О Боже, — как завидовал Геракл, —
И как хотел бы быть «ништяк» —
Но небосвод пред ним пролился
Когда этот еврейский мальчик плакал —
Когда рыдал! ... Всегда ВОТ ТАК...
Нет, — не рыдал, — ЗА НАС МОЛИЛСЯ,
Конечно верю — И ЗА ВАС...

Однако евреи никогда не чувствовали приближения катастроф — а потому, в силу этой своей инфантильной беспечности, как гибли физически, так и сохранились духовно. В их судьбе смерть и казнь всегда были и будут логическим стержнем, и не важно, что уже случилось, а что еще только будет. В. В. — это удивительная смесь Достоевского, Гоголя, Шолом Алейхе-ма, Андерсена, Льюиса Кэрролла и даже себя самого (а почему бы и нет — ведь умел же Цинциннат катать себя самого в детской коляске, когда писал стихи), — понимал всё это прекрасно, и поэтому в том самом канале не было воды — ни обычной, ни живой — только кошерные рыбы, которых надо было спасать.

Да, но как же нам расстаться со сливами, — темой столь тонко и глубоко разработанной персами?! Относительно слив, в Персии считается, что выдавать девочек замуж надо в 9 лет, при этом они обязаны хорошо знать Коран, но не обязаны быть обрезаны, как это ещё сегодня делают некоторые племена в Африке и даже Азии.

Конечно, то, что тот самый русский посол, который мешал человеческую тупость и пошлость с грибами, женился на 16 летней грузинской принцессе — то есть старухе, христианке, и ведьме — той, которую он никогда не обижал, и которая

потом написала на надгробном камне — «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?» — было обязано взбесить персов больше, чем напоминание о трёхстах спартанцах.

Но если все дело в каких-то словах и сливах, то при чем тут древний Рим и приглашение на казнь? Да просто потому, что само появление человека на свет — это уже приглашение на казнь! Да взгляните на любую мадонну с младенцем, например, Мадонну Бенуа или Мадонну Литу, которые находятся в Эрмитаже, или спросите любую израильскую мадонну, которых полным полно у нас на улицах!

И скажите мне, — разве вся жизнь человеческая — это не попытка спрятать голову под крыло, чтобы не видеть этого приглашения? То есть, разве вся наша жизнь не лежит на некотором отрезке времени и судьбы — где-то между «Гадким утенком» Андерсена и танцем «Умиравший лебедь» из Лебединого Озера? Конечно, было бы разумно казнить Цинцинната под увертюру к Лебединому Озеру!

А если еще вспомнить, что мы живем в двух мирах — мире физическом, где нам проще всего отрубить голову, и в мире человеческой психологии, в котором нас можно казнить, лишив всяческой индивидуальности (то есть «унулить» унижением или мороченьем головы), — то становится ясно, что, уклоняясь от казни в одном из этих миров, мы как раз приходим к казни в другом!

И вообще, надо бы, — думал добряк Цинциннат, — устроить международное соревнование — кто наиболее элегантно спрячет голову под крыло, делая при этом реверанс! Но всё-таки, — продолжал он — относительно женщин можно сделать исключение, — если рождается Порядочная Женщина, то ей сначала надо дать приглашение на жизнь, потом на свадьбу, и только потом — на казнь, а потом снова на жизнь!

И, увлечённый темой женщин, наш бедолага даже вспомнил слова голливудской красавицы Мэй Вест: «Полукруг — это приятнейшее расстояние между двумя точками.» Так что хоть труби и пиши на свинцовые гробы — «Дорогие мне рабы,

дорогие человеки, сердцем с вами я навеки!» — прочитают БА-БУ-БЫ!

Так что нам осталось закончить чудесную тему слив и разобратся с последним заседанием суда по делу Цинцинната. Ведь Цинциннат ещё не знает, что — в качестве подсудимого и обречённого — его заменят, и даже в некотором соответствии с самим ходом всемирной истории — как Лайка была заменена Гагариным, хотя на замену Гагарина Цинцинната ещё официально не пригласили. Так вот сложно идёт время в тюрьме, и чтобы хорошо видеть прошлое — надо немного знать будущее. Но не просто так, что если ты знаешь что завтра твоя голова слетит с плеч — то это объясняет тебе что она наделала вчера, — а как то более поэтично.

Зал суда

Ах, какой чудный вид открывался из окна зала суда! Можно было потерять голову и умереть от одного восторга! Фасадом к окну, и очень близко от него, было замечательное высотное здание, отличающиеся тем, что оно было периодичным, будто бы начинаясь на минус бесконечности под землёй, уходя в небесную бесконечность. Прямо какой-то космодром для путешествия во времени!

На каждом этаже этого здания был балкон с тремя фигурами, и на первый взгляд все эти тройки были абсолютно одинаковыми, что само по себе наводило на некую грусть по поводу человеческой природы и теории Дарвина. Если бы вы посмотрели, как (ну прямо как мои студенты на уроках!) эти существа СКРЕБУТ — а худших глаголов тут УПОТРЕБЛЯТЬ — да и существительных тоже — я не собираюсь — своими пальцами смартфоны — вы бы сразу поняли, что так называемый «человек» (даже студент) произошёл вовсе не от разумной обезьяны, а от упрямой как осёл курицы!

Да, грустно, но весь фокус и внутренняя прелесть этого вида на небоскрёб была в том, что если очень хорошо присмотреться, то видно, что балконные тройки всё-таки разные. Так, например, на балконе прямо против окна стояли Наполеон, Пуанкаре, и Эйнштейн. Это была очень забавная тройка, — раз в шесть лет, Наполеон открывал рот и говорил по шпартгалке, что всё что сделал Эйнштейн ошибочно, а вот Пуанкаре — это пример французского гения, и поэтому то, что он сделал в теории относительности — это, и только это, правильно. Смущённый Эйнштейн каждый раз отвечал, что он никогда даже и не мечтал стать математиком, и поэтому не понимает при чём тут Пуанкаре.

Однако не все балконы включали в себя только тех, перед кем, по мнению Христа, нельзя было метать бисер — были представлены и более редкие животные, — внутренне, даже не совсем скоты. Прямо над балконом с Наполеоном был балкон с крокодилом, который проглотил адвоката, и леопард, который ловил этого крокодила. На этом балконе вместо герани цвела мораль, совершенно необходимая для всех поэтов — леопард открывал свой рот ТОЛЬКО ТОГДА, КОГДА ЭТО БЫЛО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НУЖНО.

Вообще, леопард был технически очень продвинутый, и по сравнению с ним, крокодил выглядел как логарифмическая линейка по сравнению с компьютером. Но не виновата же эта древняя рептилия в том, что, когда Б-г создавал леопарда, он уже имел большой опыт, и в это время уже были не колосс и глина, а еврейский «брит» и (у того же Матвея Исааковича Блантера) Катя-Катерина из-под топота копыт!

Упомянутый проглоченный адвокат был очаровательной, интеллектом -тельной и -альной, черноглазой, молодой (то есть ещё без внуков, но уже с каблуками, и вообще) адвокатшей, которая так погрузилась в косметику, что в последнем своём любительском прыжке забыла, как открывают парашют, псалмы бешено завывала, «алеллуя» и «амень» с дикою тоской заныла, и попала в разинутую пасть крокодила — этой отвратительной рожи, слегка порвав свой нательный ремень из его же

кожи! Расстроенный автор не успел спасти её даже в своих столь дружеских мыслях, только успел заметить, что дело идёт к апрелю, и поэтому, учитывая ещё приятный ветерок снизу при падении, записал:

Вот пришёл апрель,
И с апрелем хмель,
Ветерок приятный утром на крыльце —
Налетит — разгладит морщинку на лице;
Мы давненько не влюблялись
Через букву Л,
И давно не целовались
Через букву Ц.

А сейчас вот — пересытив
Свою к ссорам страсть —
Ты закрыла крокодила
Предо мною пасть!

Ах, какие в этом страх
И судьбы напасть —

Чтобы перед крокодилом
И желудком его милым,
На колени пасть!

Да! Например Цинциннат мог бы действительно пасть на колени перед этой адвокатшей, и спросить её: «КОГДА ты, уже наконец, станешь человеком?» И она бы ответила: «ХМ...» — чудный ответ, показывающий незнание порядка, в котором пишутся римские цифры. Это возмутило бы нашего красавца, хотя он помнил, что и Клеопатра потрясала Антония своей безграмотностью, и потрясенный Антоний трясся над нею ночи напролёт.

Были и балконы с известными героями «Приглашения на казнь», на которых мы не будем останавливаться, чтобы

не заставляя бедного Цинцинната снова плакать, наблюдая как его жена одновременно приносит «такое облегчение!» жеребцу и ослу, если называть действующих героев — в основном свиней — своими именами.

Но как ни интересно это здание в окне, — а то что происходит в зале суда гораздо важнее. Тут главными героями являются вовсе не Цинциннат, которого якобы пожалели, а умница Судья и Старичок-Еврей, которым якобы пожертвовали. Тот самый старичок, который у В. В. ловил рыбу в канале без воды. Посмотрим сейчас, что же он наудил для нас за последние три тысячи лет. Конечно, это не «Старик и Море», а «Старик и Горе», — ведь нету у него этой тонкой ярко-белой полоски воротничка священника над чёрной рубашкой, которая напоминает белую чайку взволнованного сердца над чёрным от бури морем — нашим морем-горем.

Относительно Цинцинната, который уже начинает таять как забытое мороженое, ещё отметим, что его очень заинтересовала, из центральной газеты, современная, модная, и технически прекрасно оснащённая казнь, при которой человека уничтожают путём лишения всякой индивидуальности, то есть при помощи постоянного поддержания состояния с замороженной головой. Цинциннат даже растрогался и записал, уже относясь к смерти довольно дружески:

За стихом летает стих, —
Перестань листы марасть, —
Чтобы стать Ein Ding an Sich
Надо очень долго ждать...
Смерть с елеевой клюкой
Обнимать и понимать —
Как никто другой!

И когда ты в Леты гладь
Глянешь чтобы всё узнать —

Вновь спокойно себе стой,
И не бойся Ей сказать —
Можно мне Вас снова ждать
Как никто другой?

Еврейская тема

Совсем обойтись без этой вечной и страшно болезненной темы, «Старик и Горе», тут всё равно нельзя, поскольку подсудимый будет евреем, стоящим не перед еврейскими, и вряд ли очень дружелюбными, глазами. Поэтому от описания соответственных чувственных декораций нельзя уклониться, даже не будем пытаться этого делать. Но эти декорации тоже требуют некоторого введения, и Великий Гоголь, который гениально намазал, в своём «Тарасе Бульба», евреев чёрным фоном вокруг украинцев, в надежде сделать последних БЕЛЕЕ поляков (задача совсем нелёгкая, и без всегда и во всём виноватых евреев тут не обойтись) — нам в этом решительно поможет.

И да узнают они там — не в саду и огороде, а в Сенате и Синоде — как чуден Днепр при тихой погоде! И да расскажет им Тарас Бульба (раз Картошка, два Картошка, один камень — Ein-Stein, два — брось в еврея, не жалея), что когда эти кровопийцы — еврейские арендаторы — слишком надоедали благородным казакам, то последние начинали развлекаться, радостно топя этих ужасных евреев в реке. И действительно, — почему бы хорошему и честному человеку не удовлетворить чувство собственного достоинства и превосходства путём убийства того, кто хуже него?! Ведь даже если сначала не ясно почему убиваемый так плох — подождите пока его труп начнёт разлагаться — и всё встанет на свои места. В любом случае, есть тут и гениальный казацкий патент решения проблемы с арендой, и упомянутое уникальное свойство евреев не чувствовать приближения грозы.

Да, — не умели евреи постоять за своё достоинство, как это понятие обычно понимается другими обделёнными, униженными и оскорблёнными (то есть, почти всеми) народами, — а только за достоинство всего человечества, чтобы люди не были уж слишком похожи — хотя их самих это мало волнует — на обезьян, куриц, и свиней! И когда спросили одного японца, прожившего несколько лет в Израиле — чем отличается, в сущности, Израиль от Японии, — он ответил: «В Японии всё держится на понятии чести, — а у вас — совести». Конечно, и упомянутые казаки заботились о своей чести — только вспомните как Тарас Бульба испытывал своего Андрея на кулаках, по приезде того из Бурсы, и как, для дальнейшей проверки благородного Андрея, уговорил казаков поступить вероломно с Турецким Султаном... Просто возмутительно, что в этой истории — по упущению Гоголя — ни один отвратительный, тощий еврей НИКОГО НЕ ПРЕДАЛ, а вот бравый Андрей,...

Но не буду я отнимать хлеб и время у нашего старичка-еврея, который, конечно, намного умнее меня, и рискует своей жизнью чтобы наконец-то озвучить тут что-нибудь разумное. Ведь хорошо известно, что у каждого еврея есть своё мнение, с которым он сам ещё не согласен, а другой еврей уже давно согласен. Я только очень удивлюсь и обижусь, если читатель поленится достать (и, может быть, даже сделать своей настольной книгой) «Краткую Историю Евреев» С. М. Дубнова — ведь прочитав эту книгу, он стал бы ещё умнее, хотя ему и кажется, что дальше уже некуда — тупик!

Да, ЛЮБЛЮ Я СВОЙ НАРОД, и когда те, которые могли бы быть антисемитами, как раз проявляют хорошее отношение, — меня это всегда трогает. Вот только взгляните на следующие строчки **Ивана Алексеевича Бунина**:

ГРОБНИЦА РАХИЛИ

И умерла, и схоронил Иаков
Ее в пути... И на гробнице нет
Ни имени, ни надписей, ни знаков.

Ночной порой в ней светит слабый свет,
И купол гроба, выбеленный мелом,
Таинственную бледностью одет,

Я приближаюсь в сумраке несмело
И с трепетом целую мел и пыль
На этом камне выпуклом и белом...

Сладчайшее из слов земных! Рахиль!
1907

Ай да Иван!

Или его же чудное стихотворение о Иерусалиме:

ИЕРУСАЛИМ

Это было весной. За восточной стеной
Был горячий и радостный зной.
Зеленела трава. На припеке, во рву
Мак кропил огоньками траву.

И сказал проводник: «Господин! Я еврей
И, быть может, потомок царей.
Погляди на цветы по сионским стенам:
Это все, что осталось нам».

Я спросил: «На цветы?» И услышал в ответ:
«Господин! Это праотцев след,
Кровь погибших в боях. Каждый год, как весна,
Красным маком восходит она».

В полдень был я на кровле. Кругом, подо мной,
Тоже кровлей, — единой, сплошной,

Желто-розовой, точно песок, — возлежал
Древний город и зноем дышал.

Одинокая пальма вставала над ним
На холме опахалом своим,
И мелькали, сверлили стрижи тишину
И далеко я видел страну.
Морем серых холмов расстилалась она
В дымке сизого мглистого сна,
И я видел гористый Моав, а внизу —
Ленту Мертвой воды, бирюзу.

«От Галгала до Газы, — сказал проводник, —
Край отцов ныне беден и дик.
Иудея в гробах. Бог раскинул по ней
Семя пепельно-серых камней.

Враг разрушил Сион. Город тлел и сгорал —
И пророк Иеремия собрал
Теплый прах, прах золы, в погасавшем огне
И рассеял его по стране:

Да родит край отцов только камень и мак!
Да исчахнет в нем всяческий злак!
Да пребудет он гол, иссушен, нелюдим —
До прихода реченного им!»

И. А. Бунин, 1907

Кстати, на темы Палестины и Иерусалима есть немало вполне симпатизирующих стихов русских поэтов, включая Державина, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Майкова, Вяземского, Фёдорова, Гумилёва, Мандельштама, Брюсова, Волошина, В. В. Набокова (!), Цветаевой, Ахматовой, и Пастернака.

Однако есть одна особая — **поэтичная для меня**, — хотя и без всяких рифм, связанная с Иерусалимом история, которую надо знать всем — и евреям, и не евреям.

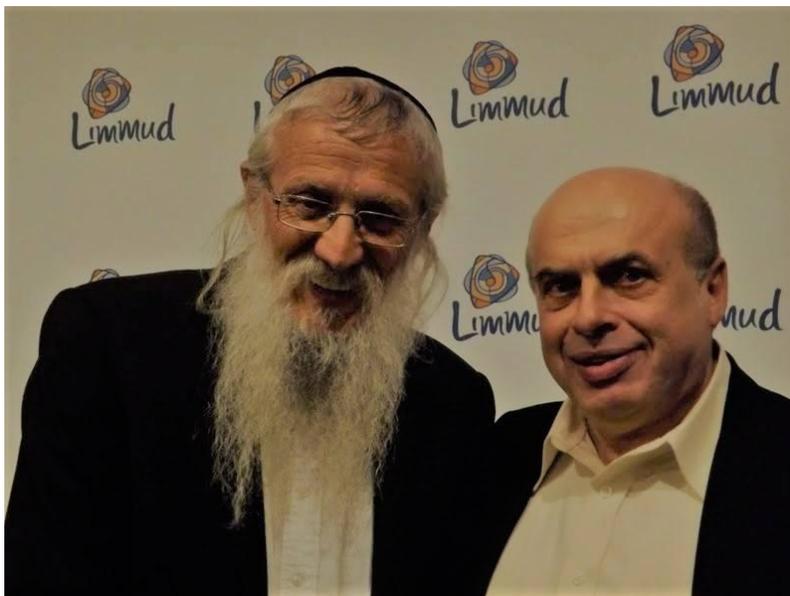
Это о том, как КГБ посадило Иосифа Менделевича в одиночку, и устроило там, в темноте, яркие вспышки света на стене. Скорее всего, идея этого издевательства, или пытки, в том, что если у человека есть, в какой-то форме, эпилепсия, то он может получить приступ, заглотив язык, и задохнуться. (Будьте осторожны, друзья, с залами, свадьбами, и т.д., с мигающими огнями — не всех следует приглашать на такие мероприятия, а лучше всего вообще отменить эти идиотское мигания, которых в природе нет, и поэтому и привыкать к ним нам совершенно ни к чему.)

Я представил себе — рассказывал Менделевич — который легко с этим справился — что это я еду ночью в Иерусалим, и эти вспышки — это фары машин, которые едут мне навстречу.

К очевидной моральной и поэтической силе этих слов, я бы добавил, что по профессии Иосиф был просто водителем грузовика. (Правда сегодня он уже Раввин, и хороший преподаватель в одной высшей Иешиве в Иерусалиме.) Вот так вот, дорогие евреи, — **станьте, уже наконец, простыми — и вы будете самыми сильными.**

И знаменитый Анатолий Щеранский — тоже очень простой парень — сходя с самолёта в Лоде, так крепко держал руку своей Авитали, что действительно не случилось того, чего он так боялся — то есть не проснулся он (в который раз!) в своей одиночке, обнаружив что и это прибытие в Израиль тоже было сном. Ну, конечно, если ты тонешь, то и поданную тебе женскую руку крепко сожмёшь! А молодчина Авиталь этого неджентльменства даже не заметила, потому через эту руку текли, обещанные в Торе земле Израильской молоко и мёд! И такие горячие, что даже её детские воспоминания о сибирском кашле сразу прошли. Да, — кашель прошёл, хотя привычка говорить очень тихо осталась!

Авиталь и Анатолий?
Анатолий —
В душе боль —
И Авиталь
Ему вся даль;
ХупА — простыня-брезент...
Девка — мне поверьте — КОЛОСС —
Очень тихий её голос
Звенел громко на весь мир;
Говорила слаще лир:
«Мне — поймите — он кумир,
Вечный мне он Президент!»

Иосиф Менделевич и Анатолий Щеранский — жив и хорош
мой народ!

Да, далеко до этих героев! Но о чуде, произошедшем, когда я покидал СССР, которое я никогда не забуду, тоже стоит упомянуть — это не я уехал из СССР — это СССР от меня улетел!

Действительно, — пока ты находишься в советском самолёте — ты находишься на территории СССР, и с тобой можно сделать что угодно. Когда я увидел, уже из окна «Дугласа», что мой «Ту» разворачивается, разгоняется, и взлетает (ах как я желал ему во всём этом успеха!) — то у меня было — **СОВЕРШЕННО БУКВАЛЬНО** — то самое ощущение, которое испытывает человек, который вернувшись из двухдневной ходьбы по снегу, с совершенно окоченевшими от холода, уже нечувствительными, руками и ногами — погружается в горячую воду ванны. Да, — я **ВСЕМ ТЕЛОМ** почувствовал этот отрыв от СССР, начало моей свободы. Я так благодарен России за это чудное незабываемое чувство **ОТТАИВАНИЯ**, что никогда ничего плохого о ней не говорю и никогда не хнычу. Тем более, что я **ПОНИМАЮ** что моим основным интеллектуальным богатством является русский язык. Надо уметь благодарить, чтобы не стать тем, перед кем Гос-дь не захочет метать свой бисер!

Кстати, когда Менделевич рассказывал, как он устраивал себе в тюрьме Пасхальный Седер, с «вином» сделанном из нескольких припрятанных изюминок, — он сказал, что его русский охранник понимал его, так-как «русские — хорошие люди». Это во мне коррелирует со словами моего деда: «В каждом человеке надо прежде всего видеть что-то хорошее.» Так дед учил своих маленьких дочерей, выходящих на улицу в этот не самый доброжелательный мир, — посылая их **ВИДЕТЬ** в людях хорошее, то есть **БЫТЬ СИЛЬНЫМИ** как Йосеф Менделевич. Одна из этих девочек меня родила, а другая воспитала — Ай да я! А как Вы, дорогие читатели, — смелые русские и украинцы, напутствуете своих маленьких дочек, выпуская их из дома?

Немного о себе

Маме:

Кто-то университетски-блестяще подкован,
Выработал в аудиториях клаустрофобию;
И только я просто так образован
По маминому образу и подобию.

Пскову:

«Георгию на взвозе» — по дороге в школу

Сосульки тают и умирают
И плачет ива и говорит:
Смотри — в России всё так красиво —
Тут церковь белая стоит
Совсем как встарь
Прекрасна вновь,
Качает ветерок фонарь,
И тени от него играют,
А почки рядом набухают
И зацветают как любовь!

Уехал в Израиль один:

Когда-то псковский школы школьник
Я сам себе придумал бытие —
Я положил Синая треугольник
На плавательной трубки острие;

Кораллов видел сладкий сон
И под руины лез в сам ад;
Я видел с севера Хермон,
И видел с юга Рас-Мухаммад.

Настроение не всегда бывало хорошее. Как-то, хотел спародировать на себя «Когда в толпе ты встретишь человека...» Козьмы Пруткова, но получилось совсем иначе:

Я живу в мире фантазий,
Я выгляжу как сумасшедший;
Из Средневековой Азии
Одинокий дервиш пришедший.

Солнце палит нещадно,
Из праха пытаюсь встать я;
Руганию площадной
Я услаждаю Создателя.

Позабыв совершенно стыдливость, —
Посмотри, говорю, как я нежен;
Спрашиваю его — где же,
Создатель, твоя справедливость?

Ведь бывало в Раю прохладно...
Кость бы найти от счастья...

Солнце палит нещадно;
Из праха пытаюсь встать я.

Просто чтобы показать произошедшее успокоение, — вот недавний вариант:

АВТОПОРТРЕТ

Когда ты встретишь человека —
Пусть, для начала, просто Некто —
В коем толпа растрёпанных злодеев
Не уважает Ев —
Старушек из евреев,
И много глупых остряков
Зовут себя «Козьма Прутков»,
Кто миром этим искалечен,
И хлеба крошкам знает счёт;
Уж бисера давно не мечет
Ведь понял — этот мир свинья,
Скотина, скот...
При этом сам он «ещё тот», —
Знай — это я!

Были и всем понятные сердечные переживания одинокого парня после армии, как например вот это:

ВЕТЕР И ДЕВУШКА

*«Ветер, ветер, на всём белом свете...»
«Двенадцать». А. Блок*

Ветер жару вертит,
Ветер слова твердит:
«Артик! Банана-Артик!»
А, это ты, Юдит,
Сядь со мной, расскажи
Как это будет.

«По Нью-Йорку пройду-пройду,
Американца рожу;
По Зигмунду Фрейду
Жизни сплету ажур.»

«Пока не окликнут: Эй! —
Пока не прибавят: Jew?»

«Ах, всё бы тебе цепляться,
Всё бы тебе издеваться...
Что? Хочу ли? Зачем лечу?
Важное ль это дело?
Он бы хотел, — и я б хотела, —
И потому — хочу.

Да и страшно мне тут оставаться,
Ведь не тебе ли признаться, —
даль страшна поутру,

И всегда тут на ветру
Двое, а не двенадцать».

Июнь 1978

Или это:

Я опять на весь свет сердит,
Как сердитые все сердиты;
Я скажу ей: «а всё же, Юдит»
А она мне скажет: «Иди ты!»

Я скажу ей: «весна опять,
Блики солнца кричат ура!»,
А она мне скажет: «Не спать,
Для чего чтобы было мокро?»

Я скажу: «Это тает лёд, —
Помнишь бывало там...»
А она скажет мне: «Идиот!
На уме твоём только срам.»

Я скажу: «В солнца золоте рыжем
С крыш сосульки поют: кап-кап...»
А она мне скажет: «В Париже
Издаётся по-русски Main Kampf.»

Я скажу ей: «Черты твои тонкие
Поцелуем из бронзы выжжены».
А она скажет мне: «У колонки
я забыла ключи от машины».

И тогда я скажу: «Ну что же,
Этих строчек возьми цветы».
А она мне скажет: «Похоже
Что и вправду свихнулся ты».

Или это:

Мантией вейся, чёрная злость
Дрожи всё в глазах от слёз, —
Алую кровь, белую кость
Вижу среди этих роз.

Ваза летит звеня,
Припоминаю тужась...
А-а-а... это Каменный Гость
Был у меня...
О ужас,...
УЖАС!

Из моих после-армейских рисунков

Или более спокойные, например:

Ну какая пара это!
Не Ромео и Джульета, —
С перва взгляда, — где уж нам уж,
Громко в животах бурчит;
Я молчу, она молчит, —
Не уходит, — хочет замуж.

Один раз меня буквально «пронесло» над пропастью
— Уфф! :

Ах, эта пасть крокодила,
Красавица эта!
В белой кофточке — идиллия,
Одетта!
И одета как Одиллия, —
Но уже когда раздета!

И армейские стихи, например:

ГРАНИЦА

Я был вчера в дубах Ливана
Что со древнейших держат дней
Застывший водопад камней;
Там, где с Горы Медвежей рано
В свинцово-облачную тень
Исходит сумерками день.

Где в белой шапке, чуден вам,
Хермон и сед и вечно юн;
Литани где, где Эль-Хийам,
Где Тайбе, Шаба, Мардж-Аюн.

Где смысл жизни жалко мним
перед деревней разрушённой,
Где шуткою весёлый мрак бункера одушевлённый,
Где мир ужасно потрясённый
И будущего нет за ним.

Или это:

МОЙ JEER

По дюнам песчаными пустыни,
Ветрами гонимыми вдаль.
Где сумерки фиолетово-сини
Мой Jeer тихо едет... Мне жаль!

Мне жаль, что любил гаража он чертог,
Что я избежал с ним к побегам влечения,
Что лишь Академии злоключенья
Позволил мне строгий, всё видящий бог

Пришёл час возврата, и тяжек, и прост;
Тому, кто за лень мне расплатой грозился,
Тому, кто старее чем мир этот стар, —
Мой Jeer с благодарностью поклонился.

Как Всадник на Глыбе застыл во весь рост,
Спокойно отбросил земной тёплый шар,
и выключив свет от ненужных там фар,
Он в облако врезался звёзд!

Или это (мы поднимались в темноте с Мёртвого Моря на Кумран; я нёс, с ещё одним солдатом, по извилистой узкой тропинке, флаг Израиля, с длинным тяжёлым древком, и сожалел что мой дядя, Иосиф Д. Амусин — посвятивший жизнь изучению Кумранских рукописей и всей Ессейской общины — нас не видит):

ВСЁ!

Сверкнуло всё владенье лани,
Осколки засвистели, грани,
Бил РПГ, броню тараня,
«Маках»¹ стрелял, скалу тряся,
И шла дивизия Голани,
ВСЁ на себе неся.

Голани волки хмурые,
Бесшумные ягуары,
Время кидая вспять, —

ИДУТ НАШИ САМУРАИ,
ИДУТ НАШИ ГУСАРЫ,
ИДЁТ НАША КОРОЛЕВСКАЯ РАТЬ!

(В первом варианте, после «И шла дивизия Голани, ВСЁ на себе неся» было: «Уж не Москва ль была за нами?»)

Сказать, что армия мне очень подходила — не могу. Был довольно старательным, но очень неуклюжим солдатом. Вот примеры того и другого.

Перед ответственным учением, в котором я должен был быть RPGist, все командиры были заняты, и нас не повели пристреливаться. Я пошёл сам на близкий полигон чтобы проверить отклонение телескопа своего нового ствола (трубы).

¹ «Маках» — тяжёлый пулемёт

У меня не было ни одной учебной ракеты, но я знал, что из тех, которые там валяются на земле всегда есть бракованные, которые не сработали. Я собрал все такие целые, и, понимая, что у меня вряд ли будет более чем один выстрел, с большой аккуратностью целился и «стрелял» одну за другой. Где-то через 20 попыток мне повезло — одна сработала. Она прошла немного слева от бочки. Поэтому на учениях я брал немного правее цели. Всего были 4 трудные цели, и я хорошо попал во все.

Другой случай моей удачной стрельбы был со стрельбой из ручного пулемёта, закреплённого на вездеходе, который мчался на бочку, которую надо было поражать. Если провести прямую от меня к цели, то она проходит через некую «правильную» точку на любой вертикальной плоскости, включая плоскость с самой целью. Я быстро понял, что в этой тряске, обе координаты такой точки мне не удержать. Как интуитивное немедленное решение, я «держался» дерева вдаль за бочкой, то есть, только одной правильной координаты — по горизонтальной линии. Из-за тряски (которую я как раз и использовал) и вертикальная координата иногда получалась правильной, то есть на линии взгляда случайно появлялась цель. Тогда я нажимал на курок (3 пули), и вновь концентрировался на дереве. Работу пулемёта потом очень хвалили.

Случай же для критики следующий. Я вёл вездеход с нашим командиром. Проблема водителя была в том, что он слышит в наушники не только своего командира, но и всех остальных, той же (довольно большой) части с вездеходами. Мы поднялись на какой-то холм, и я понял из всего этого шума, что мы должны, мчаться вперёд, спускаясь с холма и атакуя какую-то бочку. Пинок в спину сделал меня умнее, — мы должны были как раз убраться назад, за холм, а так мы попали в поле огня другого вездехода. Я резко остановился. Командир чуть не плакал:

— Ты что не видел что я «мажу» флажками тебе по перископам?!

— Конечно видел, — но я был уверен, что Вы протираете перископы от пыли, чтобы мне было легче видеть дорогу!

Он уже одновременно и плакал, и смеялся. Но как бывший ленинградец, я действительно был уверен в его таком джентльменском поведении! Воистину, чем лучше твоё воспитание, тем больший ты идиот!

Много позже, став отцом и дедом, я написал:

А зачем тебе, собственно, надо
Видеть себе же подобное чадо
И исчадие этого чада?

Поскольку одна моя внучка рыженькая, — прямо сейчас добавляю обращение ко всему миру (или ко всему человечеству):

Мир! Разлей ты по кружке
Слёзы чистой любви,
Береги ты веснушки
Золотые свои!

Заметьте тут, однако, мой императивный тон по отношению к великому миру! Это признак того нахальства «воспитанного» человека, о котором мне ещё придётся говорить.

Вообще, несмотря на гнёт интеллекта (всегда быть или не быть, под ним — как это вам?), часто бывали оптимистичные настроения, как проблески солнца, между туч. Например:

Сам с собой как суровые брови сдвоен,
Я остался единственный в поле воин.
Хоть устал, но исхода позиций не сдал,
И с презреньем отверг для себя формалин,
Я один и невидный вам всем тронный зал;
Я ОДИН!

Или это:

ПОТОМОК РАШИ

Я странный, даже как еврей, —
— Я сам себе всегда кумир;
На горько плачущей стене,
Верчу свой мир,
Горю в огне;
С дрожащим сердцем среди камней
Всё мысль свою спрошу — моя ли?
А мысль рождаясь в вышине
Меня ласкает в яви сне
Чтобы на ней, а не на мне
Печати гения стояли.

Замечание: У Сони была история-теория, доказывающая что по её отцу мы — потомки Раши — великого комментатора Торы, признаваемого и христианскими теологами. Конечно это непросто, ведь Раши это 11-й век, но у Сони была хорошая память, и я её тоже никогда не забуду.

Я невероятно чувствителен, и в мир фантазии переносусь мгновенно, как будто там всё заранее было кем-то заготовлено — как мамой пуховая постель для её простуженного ребёнка. Вот отрывок из моей поэмы о Соне, с печатью этой необычной (поэтической, я думаю) чувствительности:

.....
На меня не направлен наган,
Под нахмуренные вставленный брови;
Рвутся все поводки коротки, —
Ведь со мною тут: Поль Сезанн,
Константин Коровин,
Козьма Петров-Водкин,
И ещё кое-кто... с Константина лодки.

Не найдётся тут капелька грязи;
Тут ковры — облака перистые;
И как собственных доченок пара, —
Сквозь перистые эти жалюзи
Смотрят испанки от сердца чистые,
Леонора и Ампара, —
Чья это там гитара, —
Каковы гитаристы плечисты.
Да и это не тонкая тучка
Беззаботно на солнышке тает
На вершине возвышенной тучи, —
Это гордая польская внучка, —
Марина Цветаева, —
Меня русскому языку учит;
Я УМИРАЮ!

И для сердца спасительно нужные
Мне, — как строгие честные лица, —
Вижу речи народной жемчужины
Из словарных-то экспедиций.
И чего там судьба нагородит!
Вижу в сердцеразрывающем ПОСе¹:
«ТОНЯ-ТО ХОДИТ —
ИВРИЁНАЧКА НОСИТ».

Не для тони я тут на троне,
В королевской своей короне,
И младенцы мне не сюрприз...
Ну да ладно, — для этой Тони
Вместе с Соней заглянем вниз.

¹ ПОС — Псковский областной словарь

Как же ты, Тонечка, влипла во щи?
Трудно понять без припевок;
Получить бы мне, что-ли, помощи
Снизу от плесковских [Плесков = Псков] девок.

Девки:

«Пила Тоня вино, ела сало,
Хлеб к Субботе не покрывала
Не всегда была в платие длинном,
Говорила с ребятами смело;
Никогда для себя не мечтала
Породниться с сынами Селима¹
И душой отделиться от тела
Под стенами Иерусалима».

А-а-а... так вижу всё с высоты, —
— Тут голубушка с косой,
С белою ногой босой,
И рябина тонка у окна,
А там — Врубеля каменные цветы
И тоска ястребиная Демона.

Вижу кровь с молоком
И долмонтскую кость,
Вижу чары и кружку вина...
Чёрный человек — ты презренный гость!
И неожиданный ты, — хуже татарина!

Жарко тонины щёки пылают в избе;
Думает, — я ведь крест целую;
А эта самая Вещь в себе, —
В жестах холода совершенно нем, —

¹ Соломона

Сливою — говорит, — переспелую, —
Я вино заем!

Крест, скрижали и каменные цветы!
Сердце к сердцу стучит всё сильней и сильней;
Его тысяча тысяч дней, —
Это сейчас только ты!

Девки:

«Что же, — грейся, — а не то
В зимнем холодно пальто
И вообще в России-то;
Тут заморские цветы
На морозе быстро вянут;
И уже не спросишь ты —
Что, удался я? Как, мол?
Потому Жидовский холм
[Где могила еврея, умершего при проезде]
В Посе упомянут».

Ах, как застыли птенцовы рты!
Как в этом мире безбрежном
Все влюблённые покрыты
одеялом снежным!

Снег поутру золотист,
А к закату уже синий;
Грустна пляска вьюжных линий
Под суровый ветра свист!

Постепенно станет вьюжно,
Разовьётся злобно вьюга,
И влюблённым парам нужно
Крепче обнимать друг друга;
К утру очень крепко спать,
Обнимать и понимать.

Девки:

«Вот уж Тоня тысячу дней
Одна без жеребёночка...
Как чинить протёкший кров?
Да нашла милёночка, —
Не татарин, не еврей, —
Да ещё собой каков!
Стол накрыть поможет ей
Дочка-ивриёночка».

Умираю от Тони красы я, —
И меня-то косою скосила;
Знаю, что не решалось на Вече,
А решила Крестная Сила;
И что Тоня — это не Тоня, —
А Тоня — это Россия;

А она уже за холмом далече,
Перевал давно переступила!

Голубой шар иначе тут вертится, —
Даже верится, что не сердится;
В позе вечного отрешенца
Развалился я в облаке-стоге
От крестьянина-возмущенца...

А он смотрит и видит Младенца
в моём Моисеевом Боге.

И картечи тут не визжали,
Разгоня архангелов сонмы
Иль синайские превращая скрижали
В генералиссимусов погоны.

В глубине голубой этой глины
Не найдётся пороховой вам мины

Иль другой нечестной забавы;
Грянет бой тут не ради славы, —
А ради рериховой картины!

И всё новые, тут как тут,
Облака на меня-то плывут;
И все вместе как войско насели, —
Так заносит зелёные ели
К рождеству заострённые пикой
Снег в России иконоликой;

Так, как в марте или апреле
Лёд идёт по реке Великой...

.....

Кстати, в словах: *«Тут голубушка с косой, с белой ногой босой, и рябина тонка у окна, — а там Врубеля каменные цветы и тоска ястребиная Демона»* можно видеть сравнение всей России со всем Еврейством.

Придумал некоторые сценарии фильмов (только один опубликован, на английском), и иногда просматривал эти фильмы ПРО СЕБЯ. Как хорошо, когда ты один в зале и можешь спокойно расчувствоваться!

На обычное кино, имею самые простые вкусы. Лучшим фильмом считаю «Стальную Бабочку», а лучшей актрисой и красавицей всех времён — Дарью Мельникову. После где-то десятого просмотра, мне снилось, что я удочерил «Чуму», и она мне помогает — довольно неловко, как интеллигентка-белоручка — мыть мою машину. И на самом деле, — что бы она в этом фильме ни вытворяла — её непосредственные жесты выдают там истинную, тонкую интеллигентку. На фоне внешней простоты роли — это очень трогает, если ты умеешь это видеть, и умеешь потом «смотреть» хорошие сны.

От темы своего еврейства принципиально и решительно не уклоняюсь:

ЕВРЕИ

Мы смело открылись великому Богу
Чтоб он не оставил нас всех без внимания;
Чтоб посох змеиный нам дал на дорогу
И жажду знаний как яд наказания!

Однако, стараюсь оказывать уважение неевреям. В отличие от Гоголя, вокруг себя чёрную краску не мажу, и всегда подчёркиваю, что на Иврите «ГОЙ» это просто «НАРОД». Вот пример моего уважительного стиха Христианину:

ЕВГЕНИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ЕВТУШЕНКО

Где цветочки полевые,
Крошки светло-голубые?
— Над обрывом! — Кружит пар,
Слезы, очи карие...
Это, верно, Бабий Яр...
Там лежать мог бы и я,
Где старушка с узелком
И девчонка с хохолком...
Навсегда они живые,
И в них молится Мария,
Спрашивая: «Что потом?»
Был спокоен и достоин,
Сам с собой железно сдвоен, —
Этот русский мальчик смел;
Во весь рост стоять умел,
И себя умел начать
Не от Львиного Хвоста

И каких-то Важных Дел,
А от чистого листа.
Мудр, прост, возможно, грешный,
С Музою — не холостой;
Счастье в нём не сон пустой,
Сон реальный — без насмешки
Страшной неба над землей!
Постарел, — но без оков, —
Я б сказал — Андрей Рублёв, —
С тонкими святых устами,
С их прекрасными глазами,
А из них — молва, мольба
Под крутым обрывом лба.
У «Рублёва» божий дар;
Так писать?! ... Да кто там я!
— Про всех нас, про Бабий Яр,
Слёзы, ... очи карие...
Про старушку с узелком,
И девчонку с хохолком
С коими мы все живые, —
Ведь в нас молится Мария,
Спрашивая: «Что потом?»!
Состраданье, слёзы, кровь;
И уж вновь две брови — в бровь,
Вновь мы дышим хриплым ртом, —
ЧТО ПОТОМ, — ВСЕМ НАМ ЛЮБОВЬ?
А ЧТО ПОТОМ?
Да лишь Г-дь знает о том!...
А я, в тот хохолок влюблённый
Стою тут гордо надо рвом,
Коленопреклонённый,
И не ища ни в ком вины,
Проша прощения старушки спящей, —
Я, столь взволнованный
И громкоговорящий, —
Не объясняя, не вина

Обеим руки им целую...
Но свадьба дочери уж веселит меня;
Со мной — мои друзья,
При этом я есть «Я»!, —
Смотрите! Я танцую!
Я танцую со скрипкой на крыше,
Праотцам я играю хвалебну;
Я танцую всё выше, и выше,
Пока там, в синеве, не исчезну.

А следующее — дань уважения Раулю Валенбергу — и как мужественному спасателю евреев, и как Христианину, к 100-летию со дня его рождения, с эпитафией из прекрасного перевода на английский «Медного Всадника», Вацлава Ледника. (Мои слова начинаются с «I was born...»):

I give the Final Scores to Sweden!
(To Raul Wallenberg, 1912–1947)

by

Emanuel Gluskin

*Where had he come? For now he saw
The pillars of that lofty dwelling
Where, on the perron sentineling,
Two lion-figures stand at guard
Like living things, keep watch and ward
With lifted paw. Upright and glooming,
Above the stony barrier looming,
The Image, with an arm flung wide,
Sat on his brazen horse astride.*

(From «Alexander Pushkin — *The Bronze Horseman*» —
translated by Waclaw Lednicki)

I was born in Leningrad,
I saw the «Bronze Horseman»
With the bronze snake
Under its bronze horseshoe, —
— The snake of Sweden’s state emblem,
Read: Carl, smashed by Peter the Great...
Yes, this is what it means,
Forget it, Vikings, —
— Let this old fact be some «OK».

Заметьте змею под копытом — Notice the snake.

But who is victorious when
Raul Wallenberg is killed by Stalin?
By Stalin — mad,
Bureaucracy dictator...
Though not all of such old Russia is just bad;
(For instance, Petrov-Vodkin's horse is nicely red ...)
But to kill one who had been saving people!...

Кто сидит тут на России, красотой своей завидный,
— И лишь венчика из роз всадникам другим не видно?

Pushkin said that the iron hand of Peter
Raised *both* the horse *and Russia*:
Just as this big king's horse is raised, —
The same hand and fist and arm
Puts Russia on the end,
Forcing it readily to rear.

I see the Swedish diplomat,
Armed by his tempered honest spirit,
— The essence of his noble land;
His hearty kindness in steel;
A Christian, Aristocrat
Who raises with his iron hand — not Russia, Sweden, etc.,
But something which *each one* does need:
Human conscience, — *this* I mean, —
— Forcing *it* readily to rear...
By iron hand!

Oh, no! Time is not money,
It was and is poetic rhyme,
The hearty rhythm;
Wallenberg, — victoriously great and wise,
In humans simply is alive;
And Carl's snake means Paradise;
Dear All, I love this Bible slice
And spirit of the Gan of Eden
Starting the way...
This is the day
To give the final scores to Sweden!
Well, ... who is Stalin?
By far not Peter.
And even in his quite safe grave
He is afraid to say
That, as atrocious bureaucracy dictator,
Just *thus* he was the great.
But [judge, for instance!] — the victorious Red Army

Was built by a Jew, — Lev Troztkij,
Also killed by crazy Stalin, —
— The devils know **whom** to kill; they think they *may*...
[OK, OK,...
I **know what** the holly Russians did in fields;
It is for Wallenberg today,
All this ...]

As Einstein said,
And one himself this sees, —
— We, Jews, are **different**, — not «good» or «bad», —
— But **thus** sometimes hated...

But Raul is:

*«Upright and glooming, Above the stony barrier looming
The Image, with an arm flung wide,
Sat on his brazen horse astride»*

**Raising up, by iron hand,
Human conscience on the end!**

26-I-2012, Kfar-Saba

Первое стихотворение на русском написал уже в Израиле,
по походной памяти:

КАРЕЛИЯ

В лесу карельском утром рано
Расставив уши, ноги врозь,
Чуть видный в завесе тумана
Стоит величественный лось.

Во втором уже было израильское (армейское) впечатление:

СИНАЙСКОЙ ПАЛЬМЕ

Ах, эта пальма!
В застывшем танце вдруг проснетя,
В дрожащем воздухе взовьётся,
Истому нежную пробудит,
И к грозди фиников как к грудИ,
Верблюду надменный прикоснётся.

Армейские воспоминания о Синае

Связавшись с Фуйсбуком, стал иногда позволять себе «хулиганские» стихи, вызываемые смазливими физиономиями, на демонстрацию которых наши Фуйсбучницы, истинные гении и профессионалки (это буквально цель их жизни), и, конечно, возможностью свободно пофантазировать в чувственном пространстве. Так мы в армии учились водить вездеходы, выезжая в просторы дюн, где можно было «сходить с ума». Естественно, это занимало время, и, соответственно, хулиганский стих может быть длинным и потому напевным. Свойство напевности вообще не имеет отношения к содержанию, — ведь когда из насыщенного раствора растёт кристалл — присоединение к нему новых молекул одинаково красиво и для простой поваренной соли, и для какого-то более благородного материала.

Вот пример моего нахальства по поводу одной потрясающей рыжей красавицы, которая меня заинтересовала просто потому что у меня родилась рыженькая внучка, и это меня «затянуло». Этот стих я люблю как раз из-за его «простора»:

Ты — уже жена и мать —
Как же ты могла сказать
Ей «единороги!»
Всё-то девки без тревоги!
Коль читать «Гаврилиаду»,
Оказавшись там в аду;
Потом млеть и лицезреть,
И вдруг стать пред рогом стогом, —
Лишь дождём умытым богом
Нарисованным Ван-Гогом
(Рисовавшим всё как Бог!), —
Иль пластаться пирогом, —
— Мудрой волею богов
Станет ТВОЙ единорог
Настоящим носорогом!

Если ссориться с богами —
ОН рассердится как Бог
И будет ТОТ единорог
Сам с прекрасными рогами!

Вот спрошу у господина, —
А сама-то как Алина, —
То ль для всех морозная,
Али несерьёзная?
Улыбнётся ли мне, тая?
А он: «Не терплю тут писка я, —
— Медаль она моя золотая,
Олимпийская!
За волосы под цвет пивца
Я её из под венца
И об этом не жалею,
А тебе я брошу кость, —
Не отдам яё яурею, —
Ты вообще незванный гость;

Для меня, для барина,
Хуже ты татарина!

Ты там, с склерозной головою
И со скрипучею ногою
Рыб ловишь в ФБ-гавани
А тут над мирною Псковую
В неколебимой вышине
На позолоченном коне
Я САМ с простёртую рукою —
Стою на луковке кремля;
Со мной Алиночка моя,
И поднимаемся аж выше,
Глядишь, — уже Андрей Рублёв
(Ты, Андрюха, будь здоров!) —
Наш портрет семейный пишет, —

Ай да пара и чета!
Всё-то в красках золота!

Птичка моя бейби-чка!
С ней сыграю в дурачка,
Ей нагрею молочка
Коньячка добавлю к чаю,
И, припомнив чью-то мать,
Гордо лампу погашаю
И твои стихи читать
И в кровати их плясать
Ей не разрешаю!

Ах, моя Алиначка,
Роза-мандариночка!»

— Всё я понял, господин,
Победил ты, убедил!
Под такую-то дуду

Я стихи писать не буду,
А ты сама не бойсь, Алин, —
Да не нужна ты Троцкому,
А вроде как Высоцкому!

Ведь перо, в стихах и в прозе,
По Вертинскому гусино
И при всём почтении к розе —

Розы даже на морозе
Беспощадно пахнут псиной!
(«Бэдный Пиколо-Бамбино» ...)

Что ж, «медаль это медаль»
Записал Владимир Даль, —
Не дана ты никому,
Только одному ему!
Быть нескромным страшный грех
Хоть и фотка-то для всех,
И Булгакова Кота...
Да причём тут её фото?
— Где ты, русская фата?
То-то, стихотворец! То-то!

Кто я пред крутым и клёвым
Николаем Гумилёвым?!
Можно ль старому еврею
Посвятить (... да нет, не смею!)
Скромное посланье это
Псковской девушке Алине,
Чудной от дождя и света,
Чей-то лучшей половине —
Это ведь не всем дано...
Просто взять и посвятить
Без испить и закусить!
И послание оно

Беспардонно смелое, —
У красавицы есть ОН — для неё как целое.

Всё-то мне не по перу,
Всё-то мне-то не по чину...
Так, коль скажешь, — УБЕРУ,
А скажи — умру!

Кто смысл жизни мне укажет?
Стоял на свадьбе как на тризне
И уже знал что кто-то скажет:
«Он был несчастлив в личной жизни.»
И так прошла вся жизнь в миг,
И вот, под светом месяца,
Непомерно великий русский язык
В рёберной клетке бесится!

Безпастушные слов стада
И конечно же — ПЕРЕБОР
Так вот лягу я под забор
Навсегда, навсегда.

Ну да хватит плакаться
Может быть и выживу
Как сыграю для неё молодца,
Золотисто-рыжего:
Помню я, — в России-то
Девочек поцеловывают,
Потом расцеловывают,
И в конец зззацеловывают, —
Потому что вижу я, —
(Вижу, вижу, вижу я!)
Что вот эта буква ззз...
Совершенно рыжжжая!
(Так что мысль тут моя не совсем бесстыжая!)

Не нанёс, надеюсь, я
Никому урона,
С подписью: ОНА. Твоя
Белая Ворона.
В сокращении «БВ».
Прям из «АБВГД...», —
(Расшифровка сей загадки тебя ждёт уж в МВД.)

Да не плачь ты, и без мук
Будь проста, горда и рада, —
— Ну а мне-то? — Я ведь внук
Главного раввина Ленинграда!

Быть или не быть, — страдаю, — то ль в прощении
То ли в мщении;
(А ей это лишь прощание,
Лишь одно стихотворение ...)

Да не орите же вы все;
«Вот тебе досталось!», «То-то!»
Я ЖЕ НЕ ВИНОВАТ ЧТО ОНА ОТХВАТИЛА СЕБЕ
ТАКОЕ КРАСИВОЕ ФОТО!
Я же не виноват что Вертинский (вот лентяй,
Хоть камнями закидай!)
Сказал: «Мне нужна лишь тема...»

Я же не виноват что хочу умереть в январе
Чтоб согреться под снегом пушистым и чистым,
И на смертном одре захочу спеть Вертинского
Чтоб остаться Артистом...

Да, длинно, но эта Алина невероятно боевая девка, которая всё штопаёт и штопаёт дыры в огромной сети нелёгкой социальной действительности Пскова, и это справедливо для неё постараться — может станет уже наконец мэром этого древнего города моих школьных лет. То, что нахальство иногда приносит

пользу, и поэтому и над ним надо работать — бесспорно. Кстати, и в «Евгении Онегине» не так уж мало нахальства...

Вот пример моего «удачного» нахальства. То, что нам нравится имя «Пушкин», несмотря на то что слово «пушка» не особенно красиво, имеет длинную историю. А я вот «одним ударом» делаю ещё одно не очень привлекательное имя красивым. Это было написано карандашом в блокноте прямо во время семинара этой хорошей математички со стройными ногами в чёрных чулках. Я начал 4-мя строчками из «ужасного» Игоря Иртеньева:

«Женщины носят чулки и колготки,
И равнодушны к проблемам культуры;
20% из них идиотки,
40% — набитые дуры»,
И был бы Иртеньев, конечно, свинья,
Если б добавил: «И мокрые куры»,
Или, допустим, «Дурные фигуры»,
А вот на Инниной лекции я
Чёркаю строчки буквально с натуры.

Чёрные глазки, носик орлиный —
Это от женской натуры змеиной;
Носик орлиный, чёрные глазки, —
Формулы эти — драконовы ласки.
Смотрит на нас как в пустое окно —
Проективно-насмешливо, снова и снова...
Да, я «понял всё», но запомнил одно:
Инна Козлова,
Инна Козлова!

Конечно, «любовь зла...» и есть тут женское самопожертвование, да и мужики в своих фамилиях не виноваты, но попробуйте сами получить такое ПРЕКРАСНОЕ звучание имени «Козлова»! Всегда важна не внешняя форма, а душевное отношение (и не забудьте, что высшая форма восхищения — это удив-

ление), хотя с амбициозными персонами мне всегда было — ПОНЯТНОЕ ДЕЛО — очень даже нелегко. Но тому, кто не умеет ПРОЩАТЬ — в любом случае трудно со мной иметь дело; поэтому я даже не пытаюсь себя менять.

Да, Я нахал, —
Таким с годами горя стал —
Ну не слепые ж те кроты —
Кому ублажил злые рты...

Раз — в череде тоскливых дней
Я встретил Музу, и сказал: «Постой!»
Она в ответ: «Да что ты, ... ОЙ!»
(Я, ущипнул, сказав ей — ЭЙ!)
Она шептала мне: «Скорей! —
Уж третий раз — гони мороженное,
И не гляди с открытым ртом»
Да нет, — я вовсе не о том —
БЫЛА БЫ ЧЕСТЬ ТЕБЕ ПРЕДЛОЖЕНА —
В ответ шепнул я гордо ей.

Но можно ли вообще сделать что-то новое без нахальства? Вот вы публикуете свои научные результаты. Очевидно, что не каждый читатель обязан их понять. Но ведь это хамство показывать человеку то что он не может понять!

Имея в виду изобретательность, покойный Шимон Перес любил говорить об «израильском нахальстве». Один такой «нахал» сумел сделать прорыв в опреснении морской воды, и положении с классической проблемой с питьевой водой в районе сильно улучшилось. Ну вот — сказал на это один мой арабский студент — а с нас ещё дерут деньги за воду! В этой пустынной стране, я слышал такое и от евреев. Идеал уровня жизни портит абсолютно всех!

Мои старшие дети недавно сказали мне — зачем ты рассказывал нам, маленьким, эту страшную сказку о Синей Бороде (я «артистично» переводил прямо с русской книжки на иврит

...) — мы плохо спали после этих ужасов! Я ответил — **чтобы вы не думали в своей жизни только о деньгах!**

Люблю ЛЮБОЕ искусство, и по армии знаю, что месяц без всякого контакта с искусством может привести меня к ужасным мыслям (не дай Б-г!) — ведь интеллектуальная природа, как и физическая, не терпит пустоты, а с пустотой какой поэт на «ты»? Но живопись и литературу люблю особенно. Вот некоторые примеры:

БЛОКУ

Ищу среди поэтических теней
Соотношений мне знакомых чисел
И признаки привычных мне явлений.
Так, «Скифов» Блока вижу среди своих детей;
И моя Шира — это острый гальский смысл,
А Гили, — это сумрачный германский гений.

ВАН ГОГУ (1)

Смотри как даль свежа,
Как высь поёт,
И как в кулоне изумруд,
Тут замок вставлен.
И не скажи: «Какой здесь труд!
Как собран был, направлен»...

И не скажи мне: «Ах, как мил!»
Скажи мне: «Видишь, —
Он краски ветром закружил;
Ведь это он один так мог,
И знал лишь в этом бытиё;
И с гордостью навек зажёг
Он имя чудное своё, —
— Винсент Ван Гог!»

ВАН ГОГУ (2)

Краски ветром закружились У Ван Гога,
Понеслись и опустились на картину.
Странно, необычно, и нестрого
Жизни он нарисовал картину.

Надо бы прийти мне на подмогу,
Чтоб облечь в словесную рутину
Этих красок радость и тревогу,
Я же сделал всё что мог, ей Богу!

ВЕРМЕЕРУ И Н.

Всё тех же комнат, тех же лиц,
Опять открыл я веер;
Под шелест грустных нам страниц
Я вижу трепетных девиц...
Пред кем бы пал бы я тут ниц,
Когда бы не Вермеер?

Но эту пару что с бокалом, —
Наивным, верно, идеалом, —
Я долго видел на стене
у бедной девушки одной...
Там время шло как бы во сне,
И даже снег вокруг краснел
Той раннею весной.

(Ленинград, студенческие годы)

ОБОЖАЮ Поля Сезанна:

СЕЗАННУ

Кувшин,
портрет,
сосна,
олива,
Природы обнажённый стан,
Цвета прекрасны, кисть игрива,
Сезанн,...
Сезанн,...
Сезанн,...

Пусть тут красавица готова
И правду слышать и обман;
Я ей твержу ТРИ НЕЖНЫХ СЛОВА:

«Сезанн,
Сезанн,
Сезанн.»

Когда ж меня таранят снова
Злость, зависть, чёрствость, лжи дурман;
Моим щитом гремят три слова:

СЕЗАНН!!!
СЕЗАНН!!!
СЕЗАНН!!!

Следующая романтическая «тройка» всегда со мной,
и именно в порядке своей хронологии:

ТРОЕ

Не вечеринками, концертами, винами,
А как бы водами великих рек, —
Сильней чем свободный олень чукотский —
Мчат отгремевший струнами
Российский Двадцатый век:
Вертинский,
Окуджава,
Высоцкий.

Публикации имею только на Иврите. Сюжет первого такого стихотворения следующий. Идут по улице мать с дочкой. У дочки на ноге вытатуирована чудная голубая ящерка, которая лезет в очень даже пугающем меня направлении. А у матери на ногах сеть голубых вен, от того, что она когда-то эту самую дочку на руках носила. Чьи ноги красивее? — спрашиваю я. Позволю читателю угадать мой ответ, который использует выражение «в тысячу раз!»

С наукой далеко не всегда бывало легко:

Oh, these committee matters...

April and May are ceased,
Considerations start.
Who will be greatly pleased
Receive Montefiore Award?
As all angry people are angry, —
So am I!
I shall ask you if you *agree*,
And you will ask: «Why?»

«What does it mean «Why»? ...,
I hope so much today!
I want you *now* to say
That only I am I!

Infinite rows of students stay on my guard
The great ashes of science *knock at my heart!*

I think, Ulenspiegel would see this,
And also hope and think,
That the Stern History Muses
Can once thus use
The noble Committee's ink.

Let me recall also, —
Your famous Palace Waltz,
The fine Queen's slip, —
Unknown Pau Casals...
Receives scholarship!»
«Well, — you might say, —
— *Casals!?*,
Kirchhoff,...
Fourier,...
Laplace, ...!?!? —
All such are looking on YOU
Through magnifying glass!
Casals's star had been ride
In baby-pram-carriage...
Charles de Coster DIED
Almost at your age!»

«Yes, but I *have* to show
Who is «the best»,
«the next»,...
Who is really Who...

As Walter Scott's Ivanhoe
I choose an axe!»

«Oh, dear Sir!
Relax!,
We see your problem, —
It should be so:
40 degrees in shadow,
Or even more!
Too hard Science-Art,
Just some *troubles*, in part,
At home *Four Kids*,
Political problems, «taken to heart'..., —
A lot of students, —
— *Thousands of tenths, — ...*
That what it is,
This what makes sense!
You work *day and night*,
But we guess
That you look *too tired*
To be shown in palace.

You even can start
To sleep, *and fall down*
Near the gorgeous guard,
Under the flourish sounds!

Well,...
We are *better done*
As the Image of God.
Brussels's sky and sun
Are much more clear and cold.
Our acute vision
Is as the light of Moon.
Our Final Decision
Will be like this very soon».

Oh, I can see what you mean, —
I write so angled and keen!
So irrelevant for your Dean,
So Irrelevant for the Queen,...
Completely irrelevant for the Best to win...
Perhaps, this poem is even a sin!...

As all angry people are angry,
So am I! —
I shall ask you if you *agree*,
And you will ask: «Why?»

I shall say, — «This is cold as ice!...
And this «*Good Image*’ is cold!»
And you will answer *by your silence*:
«Applicant must be **wise and nice**, —
Not so stupid and bold!»

I shall say: «I promise be better,
But Kirchhoff, Fourier and Laplace,
And even somebody of a smaller size
Can be sometimes not nice,...
Not *this* should be the matter!

**Infinite rows of students stay on my guard
The noble ashes of science knock at my heart!**

I know, you make your choice, —
— Nobody should worry,
But, maybe, somebody once, —
— I do not know how, —
Will hear the calling inspiring voice
From my story

As I hear it now
From the great Kirchhoff's Laws
And from «Joys and Sorrows»
By Pablo Casals.»

Emanuel Gluskin,
1 June 2000.

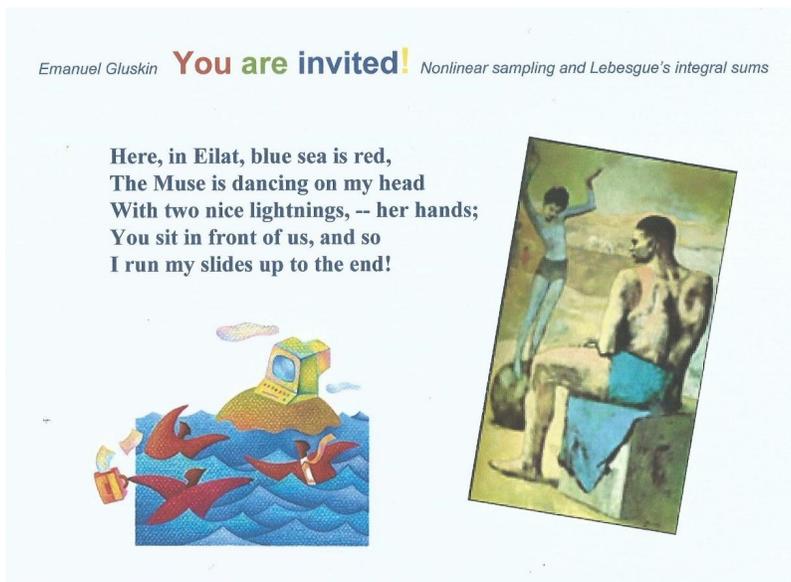
Где-то вычитал, что Блок сказал о Мандельштаме нечто вроде: «Его поэзия происходит от снов, относящихся исключительно к искусству», и не удержав своего нахальства, написал:

My brush strongly bangs the frame —
To show who really I am;
What unexpected shame
The Editor finds this time?
Even for me it seems
That I am not smart,
Not educated too;
Science is just some my dreams —
All related to Art —
But WHAT can I really do?

В науке был увлечён нестандартными подходами к нелинейным системам, то есть нестандартно видел зависимость структуры системы от тех переменных которые надо найти. Вот пример: посмотрим на поток воды как на систему. Поскольку, как структура этой системы, так и то неизвестное, которое надо найти — это то же самое векторное поле скоростей, то связь структуры с неизвестным очевидна, и поэтому то, что уравнения гидродинамики должны быть нелинейными совершенно ясно. А если так, то возможность хаоса, то есть турбулентности, неудивительна. (Посмотрите на турбулентность как на хаос структуры.)

Не любил использовать «характеристики» отдельно взятых элементов — и самого понятия характеристики не любил, — находил примеры в которых определять элемент сам по себе, отдельно от системы — плохо математически, — лучше в самой системе.

Любил конференции в Эйлате, возле Красного Моря (теперь, с возрастом, уже стало трудно ездить ...):

My unofficial invitation, sent by me to those whom I would like to meet at the conference.

На русском, пытался опубликоваться только один раз; к сожалению, мне этого хватило. Послал два стиха о Мандельштаме. Получил: «Прочитано Мною; трогательно, но не очень профессионально — для Журнала не подходит.» Сказал — спасибо за обсуждение. На людей уже давно не сержусь. Это как с вождением машины: сначала ты ругаешься с безобразниками вокруг, следующая стадия — когда ты только сердишься на них. Наконец, ты уже даже не сердишься, — просто стараешься вернуться домой живым. А на себя уже тоже мах-

нул рукой — могу сердиться на эту последнюю букву алфавита сколько хочу.

Но вот они, с маленькими поправками, упомянутые стихи о Мандельштаме — на суд читателя — ведь редакторы пошли не от Торы, а из своей редакторской норы, а читатель — не предатель.

Кстати, Григорий Сковорода тоже не был профессионалом, и Тарас Шевченко даже называл его идиотом, что Сковороде совершенно не смущало:

ОСИПУ МАНДЕЛЬШТАМУ — 1

Как и герой его — еврейский музыкант,
Своеобразный, выдающийся талант, —
Он ноты мог писать от своего ключа
И рифмою рубить с плеча.
Как все, бывало, жил без хлеба,
Особенно религиозным не был,
Но всё ж, себя от синагоги отлуча
Как будто жизненным стихотвореньем,
Он сделал Александра Герцовича
Московским Александром Менем,
Своим духовником...
Действительно, — как долго колесить?
— Ведь кто-то должен быть садовником,
— Кого бы надо расспросить
Как Райский Сад в себе растить
И как народным стать...
В святые метиться.
А Надю и иметь, и ждать
Чтобы потом т а м с нею встретиться;
А здесь — в любви о ней всё неизменно знать.

Конечно, он принадлежал России,
Как и Эйнштейн — физике.
Теперь он в Лете, там, в забвения реке.

Но ты, Российский Дух, меня прости
За эту просьбу: преврати
Его «Россия, Лета, Лорелея»
В «Еврейство, Вечность и Стихи».
Хотя на Лете и том свете,
Где нет зимы, весны и лета,
Не нужно это старое пальто...
(Хотя по правде, нужно лето ...),
И настоящего еврейства-то
Уже давно в России нету, —
Я взял бы это на свои грехи,
И, как я прямо тут сказал,
Так бы и на могиле написал
Для нас для всех — **и то и это!**

А вот второе:

«ОСИПУ МАНДЕЛЬШТАМУ — 2»

Ну да, конечно, эту яму
Надо бы отдать поэту —
Отдать на память Мандельштаму
Воронежскую яму эту!
Чтобы он прямо с того света
Как юноша с любовью ранней
Сказал бы с радостью поэта:
«Столь рад свиданью и вниманью!»
И если кто-то не поэт
И под луною сам не «воет» —
Пусть с нами эту яму роет;
В ней будем вместе мы с поэтом
С его страданьем и ответом,
И с пониманьем и советом.
И только в верности, — не в мести

Конечно же, и не в кошмаре,
А глядя в будущее дельно —
Давайте ж рыть друг другу ямы;
Хоть будет там нам тесно вместе, —
В этом наиинтеллектуальнейшем Бабьем Яре...
Да пусть нас не повесят отдельно!
Себе глубокий там выроем ров,
И бабы снежные от стужи
Нахально выйдут из домов
И встанут в грозный ряд снаружи.
И под дружные «Боже Меня Храни!»
И «Спаси Меня Время
От Интеллектуализма Семени!»
Поднимут святое знамя Антиинтеллектуализма,
И устроят нам, интеллектуалам,
Замечательные баню и тризну, —
Тризну по интеллектуализму!

*Emanuel Gluskin, Kfar Saba,
23 Nov. 2015*

И действительно — как могла та самая уважаемая редакторша, — которая Пегаса легко остановит, в горячий сарказм войдёт, напечатать такую ужасную ересь? ... Только такой хам и идиот как я мог её, предостойную, об этом просить!

Ещё о маме, моих детях, и Соне

О маме.

Я был с мамой вдвоем. Шла Мюнхенская Олимпиада. Я только что узнал об убийстве израильских спортсменов, и сказал с возмущением: «террористы убили 11 человек!»

Двенадцать — сказала она — один немецкий полицейский погиб.

На тот срок пока Сталин закрыл восточный факультет Ленинградского Университета, мама пошла преподавать математику в школу рабочей молодёжи. Как-то, рассказывая мне об этом периоде, в ответ на мой вопрос как она справлялась с дисциплиной, сказала: «Я дала одному ученику пощёчину; он пошёл жаловаться директорше, но та встала на мою сторону.» Что же он сделал? — спросил я. **Я дала ему пощёчину** — был её ответ.

Честность мамы всегда была какой-то внутренней. Ничего никогда не выставляла напоказ — даже то что все бы приняли за благородство. Очень редко поучала меня, но однажды сказала своему непричёсанному сыну-студенту, что следить за своей внешностью — это оказывать уважение окружающим. Уважение я, конечно, ценил и был так потрясён этой идеей, относящейся не к интеллектуальному, а к презренному реальному миру, что это вернуло меня на землю. Она умела найти нужное слово!

А вот её истинно героический поступок, рассказанный мне её сёстрами. Она ехала ночью со мной, ещё очень маленьким, в поезде. Нижняя полка была занята, и она постеснялась (наверное, по некоей своей гордости, которую я всегда в ней чувствовал) попросить, чтобы нам её уступили. На верхней полке, места было мало, и я бы мог упасть, если бы мы там легли спать вдвоём. Мама положила меня на верхнюю полку **И ВСЮ НОЧЬ СТОЯЛА, «СТРАХУЯ» ЧТОБЫ Я НЕ УПАЛ.**

У меня есть её фото (найдите в ФБ) от 9 Мая 1945 года, ещё в военной форме, — совсем девочка, из хорошей семьи, прошедшая ужасную войну. На обороте написано: «Я не плачу». Ах, — ну кто не знает слов Фрейда: «Не важно, ЧТО кто-то о чём-то говорит — важно ПОЧЕМУ он об этом вообще думает!» Ну, слёзы ещё не брызнули... так

Она плакала очень редко. Когда-то, ещё в России, я смотрел с ней в кино «Огни Большого Города». Там есть знаменитое место где несчастный герой, играемый Чарли Чаплином,

решил подзаработать на ринге. И вот он прячется за спиной судьи, и иногда выскакивает чтобы «вдруг» ударить противника, и снова ныряет за судейскую спину. Зал разрывается от смеха, и только Гита Глускина — дочь главного Раввина Ленинграда и моя мама — ПЛАЧЕТ. Почему? Да потому, что этому смешному герою вовсе не до смеха!

Когда ей устраивали празднование 80-летия, я (совсем не сталинист) неожиданно сказал: «Когда я думаю о том, сколько мама в своей жизни перенесла, то мне вспоминаются слова Сталина — я поднимаю тост за великий русский народ, который вынес на своих плечах тяжесть второй мировой войны, — это о маминой жизни!»

О детях.

Упомянутые в стихе «Блоку», младшие Гили и Шира делили маленькую комнатку, проходя возле которой моя жена услышала: «Замолчи! Сейчас **Я** плачу!».

Со старшими, Рэут и Эйтаном, был случай, когда (тогда ещё очень маленькая) Рэут сумела сама открыть входную дверь. «Рэут гений» сказал я. Через некоторое время, дверь закрылась. «Теперь я гений» сказал Эйтан. И действительно, — у двери есть два состояния — либо она открыта, либо закрыта. Но и у соревнующихся между собой Эйтана и Рэут тоже были только два состояния — либо он, либо она.

Когда-то воспитательница детского сада рассказала, что Рэут всё время «разговаривает» по игрушечному телефону, не обращая внимания на её указания. «Как это?!» строго спросили мы Рэут. «Но я же не виновата, что они мне всё время отвечают!»

Вся семья страдала от моей рассеянности, то есть погружения в себя и отрешения от реальности. Вот «потрясающий» случай. Гуляю я с двухлетним Эйтаном, и, конечно, о чём-то думаю, и вдруг замечаю, что я его не вижу. «Эйтан, ... Эйтан» — зову я его, пока этот бедный (такой хороший, прекрасный, сладкий, умный, доброжелательный, подающий надежды ...) ребёнок не говорит: «Папа, я тут!», и только тогда до меня доходит, что я держу его за руку...

О Соне:

В дополнение к моему довольно обстоятельному письму о ней: <http://berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer7/Gluskina1.php>, отмечу её тенденцию к пребыванию в некоем мире символов. Как-то раз, мы шли с нею, и с её соседкой по общежитию, по берегу Великой, и Соня романтически сказала: «Какая-то там дама в розовом!» Да что вы — сказала соседка — это же голый Иван Терентьевич.

Конечно, Сонин романтизм не мог не отразиться на моём воспитании — в котором была ли она успешна — уже не мне судить. Вот случай роста меня как затюканного интеллигента, который её друзья филологи потом долго вспоминали. Возвращаюсь я (лет 10-12-ти) из школы порядочно взволнованный и говорю ей: «Я встретил женщину в платке как из деревни, которая согласна с Шекспиром в том, что мир — это театр, а люди — актёры. Она прямо называет людей «Париками»! — Так и сказала мне «Парики ходят». ЭТО ОНА ТЕБЯ СПРОСИЛА ХОДЯТ ЛИ ПО РЕКЕ — ТО ЕСТЬ ДОСТАТОЧНО ЛИ УЖЕ КРЕПКИЙ ЛЁД.

О брате:

«Как твои студенты?» как-то спросил он меня. — Да, конец «Каменного Гостя» Пушкина...

ОДНОЙ СЕКУНДЫ Боре понадобилось чтобы сказать: «ПРОВАЛИВАЮТСЯ!». Мой брат! Мастер по бриджу. Любую логическую задачу решит раньше, чем я начну поймать о чём собственно речь. Он и его жена Катя героически дотянули маму до 92 лет.

О жене:

ШуламИт из религиозной семьи, и поскольку у религиозных нету общих танцев мужчин с женщинами, то есть, на свадьбах танцуют отдельными кругами (и часто даже сидят отдельно, с перегородкой между столами тех и других, как в ортодоксальной синагоге), то погружённые в этот своеобразный 2 мир, мы с женой никогда не танцуем в паре. Однако она логопед,

и как-то раз одна глухая девочка — её бывшая ученица, пригласила её на свою свадьбу далеко от нашего города. Это была высокая, веснушчатая, очень живая, непрерывно улыбающаяся девочка из нерелигиозной «аргентинской» семьи, встретившая Шуламита с исключительным восторгом. Когда раздалась музыка и начались смешанные танцы, мы с Шуламит — даже предвзвешенно не переглянувшись, встали и танцевали «на полную катушку».

Слабость как преступление

Возвращаясь к примерам Менделевича и Щеранского с одной стороны, и казаков с другой, — я спрашиваю себя — а не является ли слабость преступлением? Ведь твоя слабость поощряет (облегчает) в других проявление жестокости — а в ком Господь не заложил жестокость наряду с добротой? Таким образом — в какой степени казаки Гоголя действительно преступники? Всякая силовая линия электрического поля начинается на положительном заряде, и кончается на отрицательном, поэтому весь мир в целом электрически нейтрален. Точно так же, хорошего и плохого в человеческой природе поровну. Поэтому — это просто счастье, что мы, евреи, как бы мы ни пострадали, являемся частью этого великого мира — И ВСЁ ТУТ. Хорошего человека, и вообще что-то хорошее, всегда можно встретить или найти... Надо только УМЕТЬ ВИДЕТЬ хорошее, как учил мой дед. Не бояться его искать и видеть.

Но всё-таки — можно или нельзя УБИВАТЬ? Надо разобраться в этом важном вопросе, — ведь это великий В. В. начал разговор о КАЗНИ, а мы лишь что-то добавляем по своему скромному разумению.

Убивать? А это еврею, как и всякому другому, и можно, и нельзя — за что же нас — тоже Б-их детей — обделять то, или баловать?

Прежде всего надо заметить — для основательности обсуждения — что в заповеди «LO TIRZACH» (не убей) используется слово «REZACH», наиболее точный перевод которого — MURDER, а не KILLING. Если бы имелось в виду любое убийство, то на Иврите это было бы не «LO TIRZACH», а «LO TAHAROG». Но «HEREG» (убиение) это не «REZACH». «REZACH» это подлое, запланированное убийство — MURDER, — которое не имеет никакого отношения, например, к отстреливающемуся солдату, который может (имеет право) убить («LAHAROG»).

Однако, оставим в покое не совсем удачный английский перевод этой заповеди, «DO NOT KILL», — и посмотрим на дело глубже, и с одним интересным примером. То, что я считаю важным тут сказать — это элементарная логика, но та ошибка, которую тут допускают, весьма типична — она не учитывает силу ПОНЯТИЯ.

Если бы кто-то действительно захотел, чтобы люди не убивали друг друга — ему надо было бы устранить само понятие убийства, которое, однако, очень прочно засело в человеческой голове, и делает там своё чёрное дело через человеческое воображение. Неужели не ясно, что, как давая приказ «Убей!», так и давая приказ «Не убей!», мы заставляем человека думать об убийстве? В первом случае это ТО что надо делать, во втором — ТО что не надо, но в обоих случаях это то же самое «ТО», и если человек не знает, ЧТО это такое, то оба приказа бессмысленны. Но чтобы действительно что-то ЗНАТЬ — надо это ДЕЛАТЬ, по крайней мере, в своём воображении и по крайней мере иногда.

Как очень простой пример этой логики, предлагаю, прося у надушенных аристократов прощения, представить себе, что Вы инструктируете кого-то так: «Гуляя по нашему парку, остерегайтесь вступить в ТО, что оставляют собаки.» Очевидно, что надо хорошо знать, что такое это «ТО», хотя речь идёт о «НЕ вступить», и, желательно, даже НЕ встретить.

Вот случай, когда (судя по фамилии) еврей УБИЛ — и я бы сказал, очень смело. Об этом случае стоит рассказать, уже потому, что вечная тема женщины входит в него весьма

необычно, хотя, конечно, через тех же французов. Это описано в замечательной книге воспоминаний А. Вертинского, «Дорогой длиною», и это последний раз, когда я рискую тут (но надеюсь, что НЕТ) портить отношения с украинцами, хотя к Гоголю мне ещё придётся один раз вернуться, — на этот раз немного менее негативно.

« — убил его маленький тщедушный портной или часовщик... некий Шварцбард... Встретил на улице, узнал и убил.

Судили его с присяжными. Надежд на оправдание, конечно, не было никаких, потому что французский суд оправдывает только за убийство по любви или из ревности...

Последней свидетельницей была женщина.

— Вы спрашиваете меня, что сделал мне этот человек [Симон Петлюра], заливаясь слезами, сказала она... — Вот! Она разорвала на себе блузку, и французские судьи увидели — обе её груди были отрезаны.

Шварцбард был оправдан.»

Кстати, в Израиле, тоже был случай, когда один парень (студент) «встретил, узнал и убил» ... одного очень важного человека. Но это было заготовленное убийство, то есть MURDER, и особенно этого парня никто не слушал. Из тюрьмы этот наш — слишком примитивный — патриот никогда не выйдет. Читатель-израильтянин знает о ком речь...

Но посмотрим ещё, что скажет по поводу этих философских вопросов наш старичок-еврей, а пока отметим нечто не столь общее, но для меня очень важное — именно для меня, потому что у меня это не всегда достаточно хорошо получается, к моему великому сожалению и стыду. Уж слишком я импульсивный.

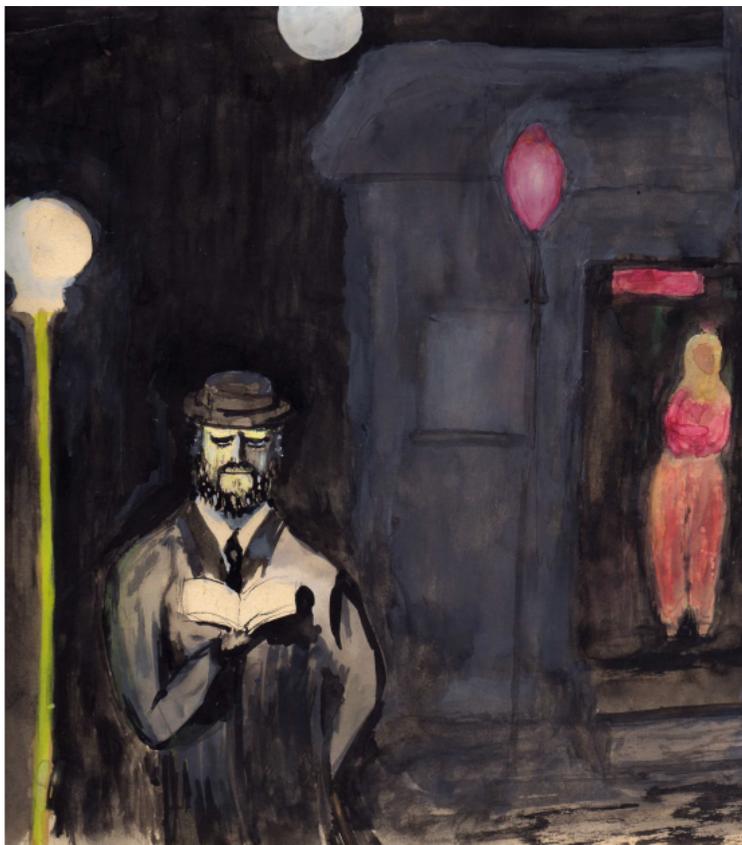
Ещё об уважении к людям

Моё мнение по поводу израильско-палестинского конфликта — того бассейна с тем самым ТЕМ, в котором мы тут все плаваем («Не гони волну!») — это то, что за палестинцами стоит огромный мусульманский мир, который не принял Израиль, и толкает палестинцев (не очень их любя — они же не богатые) на конфронтацию с евреями. Все разговоры палестинских лидеров о необходимости снятия «оккупации» — это совершенно прозрачное требование к евреям подставить своё горло под их клыки.

Но и с нашей стороны стоит огромная проблема, — серьёзнейшая наша вина, которая евреями никогда не отмечается и не формулируется. Я имею в виду наше неумение ОКАЗЫВАТЬ УВАЖЕНИЕ нашим соседям. Вернёмся к «Тарасу Бульбе». При всей ненормальности Гоголя, демонстрируемой им как в зломном очернении евреев, так и в том, что он умер, запостившись от грехов, — есть в «Тарасе Бульбе» одно место о евреях, с которым я почти согласен. Я бы даже убрал это «почти», если бы Гоголь не назвал там «грязной тряпкой» наш талит в котором мы молимся, и от которого взяты две полосы на нашем флаге. В этом месте в «Тарасе Бульбе», один еврей истово молится, ПЛЮЯ ВО ВСЕ СТОРОНЫ. Да, конечно, это сказано отвратительно злобно и нагло-фигурально, — но что-то от истины в этой гиперболе гениального писателя есть.

Действительно, — поглощённые своими делами, прежде всего связанными с необходимостью сохранить свою религию, и потому болезненно психологически изолированные от окружающей человеческой среды, — евреи в некотором смысле действительно всегда «плевали во все стороны».

Израиль живёт среди великой культуры ислама. Ну неужели ЕВРЕЙСКИЕ ГОЛОВЫ, с их фантазией, не могли (могут) найти путей оказать этой великой культуре какое-то специальное (яркое, интересное, оригинальное) уважение?!

Плюёт во все стороны... А жаль!

Я так думаю, что за всеми этими параноидальными разговорами (с ножом за спиной) палестинских лидеров об «оккупации», стоит глубокая обида на нас Мусульманского Мира. В конце концов, мы просто их соседи, но быть ХОРОШИМИ соседями мы не умеем.

Конечно, есть вещи, в которых мы никаких уступок сделать не можем. Прежде всего, мы не можем отдать им Храмовую Гору — потому что она принадлежит не только нам, — нынешнему поколению евреев — а всему еврейскому народу, включая поколения, которые уже умерли, и поколения, которые ещё не родились. Ни тех, ни других, мы спросить — уже и ещё — не можем, да наверно только оскорбили бы их таким вопросом!

Но всё-таки, было два случая, когда мне удалось оказать уважение арабу.

Первый был на Ливанской Войне. Под обломками разбомбленного дома был зажат мальчик. Наша часть должна была срочно переходить в другое место. Я был истеричен в буквальном смысле этого слова, — повернулся к командиру спиной, и пошёл к этому дому. Так как я был старше других, иногда со мной считались. МЫ ОСТАЛИСЬ. Ребята работали целый час молча, разбирая нагромождение бетонных плит, пока мальчик не смог выйти. Кого бы мы спасли, если бы не остались, — там, где нас ждали — я не знаю, и, будучи уже старым человеком, понимаю, что такие нарушения дисциплины недопустимы даже в еврейской армии.

Второй случай произошёл недавно в Колледже. Я написал, в начале урока, в правом верхнем углу доски «Басад» — сокращение слов «Бе Сийуа Дишмая» — С БОЖЕЙ ПОМОЩЬЮ. У религиозных, это принято в письмах. (Мой старый друг это видел на моих листах вложенных в «Дикую Собаку Динго», посланную его дочке.) Один студент-араб сказал: «Хочешь, я напишу это по-арабски?» «Вперёд!» Он написал что-то очень длинное — совсем не сокращение, и сказал: «А теперь ты напиши это.» Конечно, я это не «написал», а НАРИСОВАЛ. Потом я спросил его, так ли как эти рукописные, выглядят и печатные арабские буквы? Он сказал ДА. Тогда я сказал:

«Арабские слова напоминают летающие каравеллы»

Класс был мною доволен, а я сам больше всех. Через пару дней, я шёл к стоянке машин с другим арабским студентом из того же класса. Ты можешь быть хороший учитель — сказал он — абстрактно обращаясь ко второму лицу, — но ты не будешь Глускин. Он был прав больше чем думал; с возрастом, я и сам, становясь лучше как учитель, становлюсь хуже как Глускин.

А вот «обратный» случай, когда молодой парень — араб, меня «уважил» — возможно даже спас мне жизнь, и уж точно честь мусульманского мира, ведь Аллах знает, что я спас мальчика в Ливане. Я ехал в свой колледж на Киннерет, и из плохо закрытого грузовика, ехавшего близко передо мной, выплеснулась какая-то грязь, и в большом количестве. Видя в зеркало, что за мной мчится другой грузовик, я побоялся резко тормозить. Увы, эта грязь была жирной и липкой отработкой какого-то процесса с маслинами. Меня вынесло влево, на ряд встречного движения. До встречных машин было ещё какое-то расстояние, но тормоза не работали, был только руль. Я взял направо. Это выбросило машину на правый барьер, который отбросил меня обратно как в пинг-понге. Это «туда-сюда» продолжалось три или четыре раза. Из-за плохого сцепления жирных шин с асфальтом, машину ещё и сильно вращало, из-за косых ударов. По-моему, пару раз это был полный разворот, близкий к 360 градусам. Парень-араб, который вёл грузовик за мною, увидел, что у меня нет никакого управления машиной. Он обогнал меня, и, осторожно снижая скорость, дал мне врезаться в него. Крепкая металлическая полоса заднего бампера грузовика прошла мой слабенький Clio-Classic прямо перед мотором, и я оказался как рыба на крючке. Было довольно интересно наблюдать как мой Clio не торопясь разрушался трением о правый барьер, к которому его грузовик приволок. По принятой терминологии, я наблюдал как моя машина медленно «сходит с шоссе», то есть идёт на свалку. Когда всё остановилось, и я перевёл дыхание — у машины уже стояли все те водители — человека четыре — которые ехали по левой полосе мне навстречу, и смотрели на моё существование с живым

любопытством. Жена арабского водителя, которая сидела с ним в кабине, была очень им горда, и даже весела, так что я понял, что для неё всё это было неплохим развлечением. Я какое-то время хранил имя этого парня, но сейчас не нашёл этой записки. Дай Б-г чтобы у него, и у всех хороших парней на свете, мусульман, евреев, Христиан, всех, всех — всё было хорошо, а я получил бы работу ближе к дому.

Возвращаясь к лирике:

Влюбляюсь я с невероятной быстротой, связанной с некоей потребностью во внутренней гармонии, и возраст тут не при чём. Как-то, на заправочной станции в Галилее, девка со шлангом уже в моей машине взглянула на меня, совсем вблизи, своими (как потом оказалось четверть-иракскими, — да оставьте в покое ваши глупые «Очи Чёрные»!) глазами, и если бы меня через полсекунды спросили красивая ли она — я бы ответил — не знаю, и меня это не интересует. Действительно — если тебе воткнули нож в сердце (а когда-нибудь это тут случится и с обычным ножом) — то какое имеет значение сделана ли его рукоятка из резной слоновой кости, или из обычного дерева?

После этого случая, я изобрёл новый «театральный» способ читать любовные стихи (Муза на этом эскизе получилась не очень красивая — надо бы найти лучшую актрису):

Вот ТАК я читаю ей свои стихи, и мои листы становятся её крыльями.

Более рациональная, и, конечно, намного более профессиональная чем я, моя ФБ-фрэндоза, Ирочка Титова, согласилась перерисовать этот мой набросок:

Вариант Иры Титовой

Если добавить немного движения, то можно превратить эти «Стихи Любви» в «Танец с Музой», хотя тогда стихи должны быть под музыку — музыку танца, — что необычно, хотя понятие «музыкальные стихи» существует.

Но я уже успел влюбиться и в начальницу другой заправки по дороге в колледж, которая, продавая мне маленький пылесос для машины, как бы погладила старика по спине.

Моя прямолинейность всегда очень вредила; дипломатом — К СОЖАЛЕНИЮ — я никогда даже близко не был. Фигурально, я бы определил такого как я так — если бы он играл чёрными в шахматы, то на первый ход белых g3 — сразу бы ответил h5.

Единственный комплимент, который я готов принять без false modesty — это обвинение в романтизме. Одна дама даже отреагировала на один мой стих: «Неисправимый романтик!». Но за это голову не отрубают. Хотя... посмотрим...

Суд

Этот суд был смешным заседанием, на которое был приглашён (а точнее, приведён) тот самый старичок-еврей, который у В. В. ловил несуществующую (но кошерную — с чешуёй!) рыбу в канале без воды, вместо того чтобы пить — как все нормальные люди — существующую водку из скользкого горлышка, используя потом эту бутылку в драке.

По-честному (то есть, что бы Судья там ни говорил), старичок был приглашён просто потому что обычно суды были слишком серьёзными и скучными для Судьи, и он решил поразвлечься сам, позабавить всех, и возможно даже перенести смертный приговор с бедного озлобленного Цинцинната на безобидного старичка, который и брыкаться то вряд ли умеет.

С другой стороны, старичка тоже было жаль, потому что он принадлежал к народу трёх-тысячелетней давности, и поэто-

му можно было сказать, что его возраст начинается с цифры 3. Но эта цифра как раз и требуется для получения ставки в академии, — той самой академии, в которой истинное богатство — это интеллектуализм, и где, ПОЭТОМУ, искренне ненавидят (много больше чем на улице) истинных интеллектуалов — «богачей».

Да, с возрастом евреям повезло, в отличие от старичков китайцев, чей возраст начинается с цифры 4, — кто же этих раскосых мумий возьмёт в академию? Возраст у евреев идеальный, — их проблема только в том, что среди них относительно мало водителей грузовиков.

В каком-то романтическом смысле, этот суд был дуэлью между миром независимого еврейского мышления, представляемым старичком, и миром здравого смысла, представляемым судьёй. Но условия суда позволяют старичку серьёзно высказаться, а не просто раздражить судью своей оригинальностью. Юмор оказался честно распределённым поровну. Скажу по секрету, что я иногда чуть-чуть подменял старичка, превращая себя в шпартгалку. Ну и что? «Не согрешишь — не покаешься» — говорит невинный народ, и к тому же, я так же стар, как и он, так что мне можно. Но и славный старичок мне иногда помогал по старой, трёх-тысячелетней, дружбе.

Слово судьё — «словосудие»

— Чтобы не запутаться — начал свою речь судья — мы примем за аксиому, что то, что хорошо для евреев — это просто «хорошо». Таким образом, в том, что я буду говорить обязан быть какой-то смысл. Кроме того, я не собираюсь ни с кем спорить, потому что если я кому-то скажу, что он идиот — это сделает его подозрительным — откуда я (да верно сам такой ...) знаю, как идиот думает? Я решительно требую ото всех логическое мышление; если я говорю, что

кто-то идиот — то есть четыре возможности: либо он идиот, а я нет, либо идиот я, но не он, либо мы оба, либо ни один из нас, — и что с этим делать я никогда не знаю, так что вам придётся сразу признаваться в своих грехах чтобы меня спасти.

Далее — продолжал судья — я должен объяснить вам, — используя всё моё юридическое образование, и верхнее, и нижние (а я был отличником, и у меня была подруга), — почему я пригласил старичка, который удил у В. В. пустые кошерные банки в канале без воды. Дело в том, что несмотря на его отвратительный еврейский нос, — я хочу, чтобы в зале, на который мне придётся иногда посматривать — БЫЛО ХОТЯ БЫ ОДНО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЛИЦО.

При последних словах, старичок покраснел, вскочил, и сказал: «Ну что Вы, Господин Судья, — Вы меня буквально засмущали! Однако, мой еврейский нос прекрасно описывается следующей историей, которой, по нашему заговору, я должен Вас развеселить. Я постараюсь не картавить, не гнусавить, не крутить пальцем пейсы, и не цитировать Талмуд. Вас же, Господин Судья, я только попрошу не сидеть с разинутым ртом, потому что тут гораздо больше мух и ос, чем там, у канала, где мы репетировали Вашу глубокомысленную и глубокоуважаемую Реакцию.»

Ну, насчёт Талмуда, мы ещё посмотрим, — сказал Судья — Я уже давно умираю узнать, что это такое, — не казнить же тебе меня моим же любопытством!

— Так вот, — начал Старичок — приехал чувак (то есть, чудный человек) в Одессу, и у него испортились часы, и он увидел вывеску с нарисованными часами над входом в какой-то подвальныйчик. Ах! Какие чудесные это были часы! Они показывали вовсе не 7.40, как все вы думаете, а более симметричную фигуру — 7.20 — время, когда евреи собираются на платформе, чтобы встретить тот самый поезд — ну не тот, который идёт в Освенцим с еврейскими детьми, а поезд — симпатягу, с еврейскими дядями. Очаровательные круглые часики с двумя тонкими стрелочками!

И заходит наш чувак в этот подвальчик, и, — к удивлению встретившего его еврея в белом халате, — протягивает ему часы.

— Что это?

— Вы же чините часы...

— Нет, — мы делаем обрезание.

— Так зачем же вы вывесили часы?!

— А ЧТО Вы хотите, чтобы мы повесили?

Так вот, Господин Судья, я никогда не жалуюсь на судьбу, и никогда не спрашиваю Господа Бога ЗА ЧТО он подвесил мне такой нос, потому что я боюсь, что он меня спросит: «А ЧТО ты хочешь, чтобы я тебе повесил?» Вот, ... а насчёт отправки поездов...

— Это чудная история! — воскликнул развеселевший судья, тактично перебивая Старичка в самом проблематичном месте, — но она была из Одесского Талмуда (в котором могут попасться и Я, и ты, и Будда), а я бы хотел что-нибудь из Вавилонского. Однако дай мне сначала записать что-то, что я понял, в судебный протокол — то есть в протокол твоей судьбы:

1. Евреи делают своим мальчикам обрезание, потому что это получается очень красиво.

2. В теории относительности Эйнштейна, время и пространство связаны. Поэтому, в каждой точке есть свои часы, то есть свой еврей, возможно (не доказано) свой Эйнштейн.

— Блестяще! Как Ваш учитель, я и собой то горжусь, Господин Судья!

— А что это такое «хороший еврейский учитель»?

— А это тот, который научился говорить сам с собой так, как будто он стоит перед классом, или перед судом; а потом — когда он действительно стоит перед классом, или перед судом — он продолжает точно так же разговаривать сам с собой.

— С ума сойти! Но давай, уже наконец, что-нибудь из Талмуда!

— Ради Бога, но я заметил, что Вы уже проглотили двух мух из разрешённых Вам десяти. Ладно, — моя следующая история

лечит многие заболевания, — всё-таки, это Вавилонский Тал-муд

Вы ведь помните у Бунина: «И умерла, и схоронил Иаков ее в пути...»?

Так вот, одна умирающая жена говорит мужу: «Я должна тебе сказать, что только один из моих десяти сыновей — твой.» Сказала, и умерла, и он не знает кто его сын. И пришло его время, и пошёл он к своему Раввину и сказал: «Я хотел бы оставить дом моему сыну, но я не знаю кто это».

— Так напиши: «Одному из вас».

— Как же они будут знать?

— Делай что говорю.

Он так написал, и умер. И через две недели, мальчики пришли к Раввину, и спросили, КТО получает дом.

— Это очень просто — каждый из вас идёт на могилу отца, стучит по ней, и спрашивает:

«Ты мой отец?» И тот, кому он ответит «Да» — получает дом.

Ещё через неделю, мальчики вернулись, и сказали:

— Мы всё стучим и хорошо стучим, но ответа нет.

— **ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ**, — **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ВСЕ ПОШЛИ К МОГИЛЕ?**

— Один почему-то не пошёл, хотя мы его звали с нами.

— **НЕМЕДЛЕННО ПРИВЕДИТЕ ЕГО КО МНЕ!**

Они привели «нарушителя».

— **ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ВЫПОЛНЯЕШЬ МОЁ РАСПОРЯЖЕНИЕ?**

— **НИ ЗА ЧТО, НИ ЗА КАКИЕ ДЕНЬГИ, ДАЖЕ РАДИ ДОМА, НЕ БУДУ Я СТУЧАТЬ ПО МОГИЛЕ МОЕГО ОТЦА!**

— **ААА... ТЫ получаешь дом!**

Старик и горе

Замечательно! — воскликнул Судья — теперь я понимаю, почему еврейский народ просуществовал три тысячи лет — это потому что вы знаете, чего не может быть, в то время как все остальные знают только, что может быть. И вот именно ты знал, что этого не может быть чтобы в канале у В.В. не было рыбы — а при чём тут вода? Замечательно и замечательно! Но почему ты плачешь, старый человек?

— Во-первых, я принадлежу к ещё очень молодому народу — ребёнку, у которого всё впереди, и ему и мне можно плакать. Во-вторых, я уже сбился со счёту относительно количества мух, которые Вы проглотили, — глаза плохие стали, и я чувствую, что мне сейчас за это отрубят голову, или, хотя бы, полголовы, — на Ваше усмотрение. Надо было мне, — как у Гоголя, как Янкелю за Бульбой, — просто плестись за Вами, и, вздыхая как нянька, отгонять от Вас мух!

— Дёшево отделаться хочешь! Не зря же я заменил Цинцинната на тебя — такие головы так быстро не отрубают, — даже половины от них. Эту честь тебе ещё надо заслужить — ведь все судебные топоры совершенно тупые, а мне в мантии потеть нельзя... Вот тебе следующее задание: расскажи что-нибудь важное для всего человечества.

— Ну это совсем просто. Например, о дереве. Ведь было же Древо Познания в Раю. Посмотрите сначала на корни дерева — они представляют из себя какое-то неупорядоченное образование. Прямо из этого хаоса вырастает прямой крепкий ствол несущий ввысь красивые ветки и листья, а потом и плоды. Так же и человеческое мышление. Оно обязано начинаться из хаоса и постепенно переходит в прямую, мощную линию, которая может нести с собой много литературной и всякой другой прелести... Кстати, движения в спорте, например, у боксёров, тоже часто демонстрируют переход от хаотического к уверенному победоносному процессу. В нелинейных задачах экономики, такое происходит очень часто. Мне кажется, что

и музыка, которую мы все любим, постепенно прекращает хаотичность мыслей.

А что Вы скажете, Господин Судья, и о принципе одного свободного дня в неделю? Как красиво наша Суббота, введённая Ветхим Заветом, перешла в Воскресенье у Христиан, и в Пятницу у Мусульман?! Это МЫ, евреи, разделили время на недели!

Другое очень важное — и опять же от нас — это «Биркат ha-Коханим», то-есть Благословение Коэнов, которое произносится в синагоге дважды каждую субботу, и раз в год у Стены Плача.

— Но это же только для евреев!

— Да нет, Господин Судья! И великие пророки, преобразившие мир, и выходной день, вроде появлялись только для евреев... Даже если «Биркат ha-Коханим» и произносится только перед евреями — это важно для всего мира.

— Почему же вы тогда ЯВНО не молитесь за народ каждой той страны в которой живёте?

— А это потому, Господин Судья, что если у Вас умрёт корова — то Вы скажете, что мы плохо молились, и надо срочно устраивать еврейский погром.

— Ну, это уже слишком! Говорить о погромах мы не договаривались. Я же тебя предупредил, что отрубание головы начинается с языка.

— Да, да, конечно, — да я и сам не заинтересован рассказывать о том, как мы, проклятые евреи, в течение сотен лет разлагали сексуально сдержанный и целомудренный русский народ, подсовывая погромщикам своих уже мёртвых жён, дочерей, и сестёр. Тем более, что Хаим Нахман Бялик уже писал оба всё́м этом в своих стихах, которые так понравились Максиму Горькому.

— Слушай, Старик, — никогда не говори людям что они плохие — а то они станут ещё хуже! Скажи лучше НАМ ВСЕМ — что говорится в этой вашей «Биркат ha-Коханим», — и да получим мы с этим еврейское благословение!

— Говорятся три вещи: **«Благословит тебя Б-г и сохранит. Осветит тебя Б-г лицом своим, и сделает тебя красивым.**

И доброжелательно установит тебе мир.» Вот и всё. Конечно, «красивым» — это во всех смыслах, а «благословит» можно отнести к той (любой) религии которую Б-г дал данному человеку.

— Неплохо! Спасибо! У меня даже, как тогда у Понтия Пилата, вдруг перестала болеть голова. Но теперь другой вопрос — сказал Судья — верно ли, что самые важные слова — это ДА и НЕТ? Мне это необходимо знать, когда я, уже очень усталый от болтовни, начинаю отрубать головы.

— Ваш вопрос прекрасный, но это требует пояснений и даже некоторого Вашего терпения — можете пока закрыть рот и вздремнуть... Жил когда-то великий голландский математик Luitzen Egbertus Jan Brouwer. Он был обеспокоен тем, что математики используют «tertium non datur (третьего не дано) principle». То есть, он не был согласен с тем, что мы с такой лёгкостью считаем, что («А» и «не А») — это ВСЁ. Он считал, что «А» может быть конструктивно задано, а вот с «не А» дело хуже. Например, мы знаем, что такое «стол», а вот что такое «не стол»? Но если мы не умеем ясно определить какой-то символ, то мы не имеем право использовать его в уравнениях. (С такими капризами математиков приходится считаться, Господин Судья, — это Вам не юбкой Фемиды оттираться.) Поэтому утверждение («А» и «не А») — это ВСЁ», и эквивалентное ему утверждение (не («не А») это «А» — использующие не определённое «не А», — неверны.

Другая линия в логике шла от английского математика George Boole. Буль был более беззаботным, но очень конструктивным (Эйлер был бы им доволен). «Логика Буля» сегодня знают все школьники, однако в своё время она была забыта, во всяком случае для широкой публики, на десятки лет. Понимание того почему «Логика Буля» перешла от забвения к популярности, как раз и содержит наилучший ответ на Ваш вопрос, Господин Судья.

Дело в том, что с развитием электроники, появились компьютеры, в которых как «YES» (то есть, «А»), так и «NO» (то есть, «не А») прекрасно (и вполне похоже) ФИЗИЧЕСКИ РЕА-

ЛИЗОВАНЫ (либо этот транзистор открыт, либо тот), то есть «НЕТ» всегда существует, и проблема, беспокоившая Брауэра, исчезла. Появилась надёжная «Бинарная Логика» с двумя, и только двумя, ясными элементами, в которой «tertium non datur principle» занял своё почётное (хотя уже мало кем отмечаемое) место. Тут же (а почему, Б-же мой, не раньше?!) было замечено, что механическая модель с открытым или закрытым контактным ключом — тоже превосходная (простейшая) реализация, и гений математика и инженера Клода Шеннона создал Теорию Информацию, основанную на ДА и НЕТ.

Но, несмотря на огромные аппликационные успехи только «Логики Буля» — всё-таки именно требование реализации, идущее от великого Брауэра, оказалось доминирующим — философское мышление всегда идёт впереди!

Однако, покойный израильский политик Шимон Перес часто отвечал на вопросы так: «И ДА, И НЕТ». Дураки его за это высмеивали, однако в человеческом мышлении — которое, конечно, глубже чем бинарная логика, это «и да, и нет» играет большую роль. Следует понять, что Го-дь дал нам ДА и НЕТ для того чтобы наше мышление было богаче, а не для того, чтобы мы всё время кому-то (или себе) доказывали, о чём то, ДА **или** НЕТ. Последнее следует оставить политикам, — эти жалкие бедняки всё время доказывают, что ОНИ лучше, чем НЕ ОНИ.

— Я совершенно запутан, — сказал Судья. Я понял, что в логику по-хозяйски вмешалась технология, но отрубить Вам голову, ИЛИ НЕТ, чёрт возьми?

— И этот Ваш вопрос тоже прелестный, и ещё пару таких трудных вопросов — и безусловно — ДА! Но я ещё не закончил свой рассказ о логике. Я ведь учитель, и хочу Вас научить так, чтобы после этого суда, Алиса из Страны Чудес согласилась играть с Вами в Живые Куклы, которые Вы так любите. Ведь мне осталось совсем немного — только добавить пару слов об этом дружеском союзе И. Для ИЛИ я недостаточно спортивен, и вообще, знаю только одно хорошее употребление ИЛИ — в одной одесской песне: «И так сказал он ей, от страсти пламеня — Ах, Роза, ИЛИ Вы не будете моею?!»

Так вот:

Когда-то я учил своих гениев-остолопов замечательный курс «Сигналы и Системы». Я начал с утверждения, что из трёх слов — Signals and Systems, «and» — самое главное. Действительно, хотя мы и можем независимо определить, используя примеры, и сигналы, и системы, — всё это чисто описательно. На самом деле, поскольку системы нужны для того чтобы генерировать, принимать и анализировать сигналы, а сигналы нужны для того чтобы обнаруживать, испытывать и анализировать системы, — НЕВОЗМОЖНО независимо определить это понятия.

Ещё проще тема «Мальчики и Девочки». Можно повесить два плаката демонстрирующие тела, и сказать: «У мальчиков ЭТА длина положительна, а у девочек ОНА отрицательна». Однако, каков смысл этого? Дело ведь не только в возможности физиологической взаимной «аннигиляции» этих положительной и отрицательной длин, — но и в совершенно разной психологии мальчиков и девочек. НЕВОЗМОЖНО осмысленно НЕЗАВИСИМО определить что такое мальчик, и что такое девочка, и поэтому тут тоже, «И» — это главное.

Мой третий пример связан с Христом. Его история немного описана в Талмуде. Подростком, он был учеником Иешивы, и его Раввином был **Йеошуа Бен Прахийя**. По какой-то провинности, Иисус был на какое-то время отлучён от Иешивы. Когда пришло время вернуться, и он вошёл, молились молитву «18-ти просьб» («Тфилат Шмона-Асар»). Во время этой молитвы, нельзя отвлекаться, а какую-то её часть надо даже стоять смиренно. Он спросил Бен Прахийю можно ли войти. Тот ответил ЗНАКОМ — подожди. Христос понял это (вот рассеянный мечтатель!) как НЕТ, и ушёл. **И УШЁЛ**.

Так вот, Господин Судья, все знают что такое «ушёл», а вот что такое «**И УШЁЛ**» — знаем только мы, евреи — так много того что было до и после, всегда заключается в этом **И**.

Но мы мало говорили о морали, только об уважении к людям и патриотизме, а я бы всё-таки хотел, чтобы после меня что-то осталось кроме мокрых опилок. Позвольте мне

объяснить, что делается у Вас в голове, Господин Судья. Судя по Вашему правильному носу, — это будет относиться ко многим.

— У меня классический греческий нос на недосягаемой для тебя высоте!

— Вот именно!

— Я только боюсь слишком тебя утомлять, Старикан, потому что я чувствую, что от страха и усталости ты можешь обписаться, а это в регламент суда не входит, — возможно с Цинциннатом было бы безопаснее — как я об этом не подумал!

— Именно это и я хотел Вам сказать, Господин Судья, — я могу обписаться от страха, а Вы — от смеха. Но, обписаться — это ещё не самое ужасное что может случиться со стариком в запутанной мантии.

— Я весь внимание, мой друг, но поторопимся — новые преступники уже тут. Злодеи скребутся за дверями...

— Мы уже говорили, как опасно (и легко!) иметь в голове понятие убийства, но это надо обобщить, — начал старик. Описание физических действий находится в одном месте в нашей голове, а их характеристика в терминах «хорошо» и «плохо» — в другом. В состоянии бешенства, голова успевает задействовать только первое место. Поэтому, надо быть осторожным с физическими описаниями. Например, когда по телевизору осуждают произошедшее изнасилование девушки — его разумно не демонстрируют.

Наше мышление использует некоторые понятия, и всё что требуется — это чистота этих понятий — продолжал старик. Что такое воспитанная девушка? Вовсе не та, которая, услышав грубое слово, сделает замечание, — а та, которая это слово НЕ УСЛЫШИТ. Ведь мы воспринимаем лишь то, чему наше сознание «резонирует», а это определяется тем конкретным множеством понятий, на котором мы строим наше мышление. Этот очень простой аргумент или факт должен быть аксиомой для любого воспитателя — он должен знать, ЧТО позволительно закладывать в маленькие головы, а что нельзя. Надо также помнить, что, вопреки мнению многих, — те кто прошли вся-

кие несчастья (например, войну) НЕ становятся от этого лучше. (То есть, патриотизм бывает обманчив, — лучше просто беречь парней.) О плохом надо вообще говорить как можно меньше, и редакторам информационных агентств, которые собирают пикантные (т.е. легко публикуемые) сплетни, надо заранее отрубать головы. А то гильотина сильно заржавела у Вас в сарае, хотя я видел ещё одну в Вашей уборной — Вы времени никогда не теряете! Молодец!

Вообще говоря, сплетни НЕ обязаны быть о плохом (ведь это просто распространение, без нужды, слухов, всякой информации, о людях), но это быстро становится неконтролируемым, и великий РАШБИ — Раби Шимон бар Йохай — основатель учения КАБАЛА, сказал: «СПЛЕТНИЧАНИЕ ПРИВОДИТ К НЕНАВИСТИ». Уже одно это высказывание, делает РАШБИ одним из величайших мыслителей всех времён, ставя его рядом с пророками и величайшими философами. Я готов сам себе отрубить голову, если из всех философских принципов, это высказывание не наиболее актуально сегодня. Ведь средства информации всё время кормят нас «хорошими» (а это подслащивание — просто дымовая завеса) сплетнями, и мы от этого в постоянной депрессии!

РАШБИ жил во втором веке — то есть вскоре после Христа, и был ещё одним евреем, который смотрел на тысячи лет вперёд. Это имя надо знать. Я бы заменил сегодня популярное «помни о смерти» (*memento mori*) на «берегись сплетен» (*cura rumor*).

Однако в отношении ПОНЯТИЙ (а ведь в них вся соль), есть одна тонкость, которую нельзя упустить. Она демонстрируется тезисом Фрейда — «Любовь и ненависть — рядом». Это наблюдение, основанное на изучении душевнобольных, но верное для всех (в таких обобщениях и заключается величие Фрейда), можно видеть и у другого еврея, — Спинозы, в его «Этике». Известно, что Фрейд любил «Этику». Но он был гением академизации, — не только демонизации, и поэтому «Любовь и ненависть — рядом» — это по справедливости его принцип.

Но ПОЧЕМУ любовь и ненависть — рядом? А потому что только в состоянии любви или ненависти мы достаточно сконцентрированы чтобы изучать этот мир — а как же выжить без этого? Без взаимной близости любви и ненависти, даже Господину Судье естественный отбор не пройти. Подумайте сами — как можно, не будучи достаточно сконцентрированным, уклониться от топора?

Однако с близостью центров любви и ненависти (или других центров) в мозгу — есть проблема. Ведь возбуждение центров — электрическое, и оно не может быть совершенно локализовано. Поэтому, возбуждение одного из центров, в какой-то степени приводит к возбуждению другого, и это неустранимо никаким воспитанием, разве что педагогическим мордобитием.

Отсюда возникает следующая идея, — некий «проект» для студента будущего — когда наше гуманитарное и техническое мышления будет ещё больше переплетены. Пусть психологи сделают человеку тест, и определяют («нарисуют») его личную «Карту Мозга», где наиболее важные центры, определяющие его поведение, были бы отмечены вместе со своим взаимным влиянием. Затем «технари» составят компьютерную программу и сделают личную (магнитную?) карточку «Карты Мозга», которая обязана быть предъявлена, и может быть легко «прочитана».

И да не женится такой как я, на такой, у которой центры любви и ненависти (злости) особенно близки, дабы не написал он:

Кто смысл жизни мне укажет?
Стою на свадьбе как на тризне;
И уже знаю — кто-то скажет:
«Он был несчастлив в личной жизни».
Счастье — желанный гость —
В двери сердца такого не просится,
Лишь летать будет моя же трость
Прямо в морду мне — в переносицу.

Такой женщине стоит выходить замуж только ради своих будущих детей, у которых Карта Мозга может быть лучше чем у неё. Конечно, мы, евреи всегда видим себя, — то есть своё спасение, — в ряду поколений, но от обычного человеческого счастья — кто откажется?

— Да, — сказал Судья — проект для студентов симпатичный, но с тех пор как я с дипломом, наука меня не интересует. Но некоторое любопытство всё-таки осталось.

Да, — нагенерировали вы, евреи, всяких умниц, ну так может — пока ты ещё жив — расскажешь мне ещё о ком-нибудь, о ком я ещё не слышал? Только, ради Б-га, не говори ничего о счастье. Кто счастлив в этом «лучшем из миров»? Только тот кому я уже отрубил голову!

— Йохонан бен Закай заслуживает Вашего внимания, Господин Судья. Это еврей, который УМЕЛ ошибаться. Но, по-моему, осы заменили у Вас мух...

— Оставь ос в покое. Я хочу знать, что такое Еврейская Ошибка. Это, наверно, ошибка всех ошибок, как «Песнь Песней» Соломона.

— Дело было в Иерусалиме. Начиная понимать, ЧТО он делает (а римляне умнеют не так быстро, как евреи от них это ожидают), Тит пытался остановить разъярённых солдат. Но было уже поздно, и Храм был сожжён. Ужасная точка сингулярности на оси еврейской истории появилась, и нам пришлось освободиться от спокойной жизни чтобы помочь Г-ду менять этот мир. И скажу я тем, кто не любит евреев — а о чём вы думали, разрушая Б-ий Храм? И о чём думают сегодня те, кто хотят уничтожить Израиль? ДА НИ О ЧЁМ. Ведь думать-то надо УМЕТЬ, И надо УМЕТЬ Б-га бояться.

И пришёл седой старичок еврей — ну такой же дохлый как я, или Автор, — к Веспасиану отцу Тита и тогда начальнику Иудеи, и ОШИБСЯ, ОБРАТИВШИСЬ К ВЕСПАСИАНУ КАК К ЦЕЗАРЮ.

Имя этого старого путаника было ЙОХОНАН БЕН ЗАКАЙ. Пока осы ведут себя спокойно, Господин Судья, — хотя они

и менее опасны чем пчёлы — ведь исходное БЫЧЕЛА происходит от слова БЫК — я прежде всего обращаю Ваше внимание на важность имени Йохонан (или Йохонаан). От него происходит имя Иоанн, а от Иоанна (Крестителя) происходят: русские, украинские и белорусские Иваны, польские и австрийские Яны, французские Жаны, и столь же необозримые англоязычные Джоны. Ой, — чуть было не сказал «Джоны и их жёны», но о Жанне Де Арк, и Иванке Трамп действительно можно вспомнить. Короче, имени Йохонан также не следует забывать всяким Иванам Ивановичам Ивановым, — простите — Йохонанам Йохонановичам Йохонановым.

Так вот — ничтоже сумняшеся своей незамеченной ошибкой, Бен Закай объяснил Веспасиану, что поскольку Храм разрушен, оскорблённым евреям придётся покинуть Палестину, и чтобы сохранить религию, надо выработать свод правил поведения в изгнании (рассеянии). Для этой цели, Бен Закай просил — НАДО ЖЕ, КАКИЕ МЫ, ЕВРЕИ, СЕРЬЁЗНЫЕ! — дать место для организации специального института, где бы этот свод правил (законов) вырабатывался.

Место для института выделили в поселении Явнэ. Там теперь есть очень хорошая Иешива, в которой родился один из моих внуков, получивший чудное имя Йедиция, то есть «Друг Б-га».

Когда Вы видите ермолки, пейсы, цицит, талит, чёрные костюмы и шляпы, кошерный стол и свадебную хупу, — всё то что так резко выделяет и отделяет, — А ПОТОМУ И СОХРАНЯЕТ — евреев — вспомните маленького седого старичка, Йохонана бен Закая, который умел правильно делать ошибки. Так скажем, — ПРАВИЛЬНО, — несмотря на ещё более ужасную дальнейшую судьбу моего народа...

Конечно, бен Закай не один все эти детали одежды разрабатывал, — кое-что уже было и до него.

Вы меня сюда привели не хвастаться, — но когда я удил, у В. В., рыбу в канале без воды, — это тоже была ошибка, — не правда ли? — В результате этой моей ошибки, я имею честь стоять тут перед Вами, Дорогой Цезарь, ПРОСТИТЕ —

Господин Судья. Но так смело ошибаться как бен Закай я не умею.

— У меня есть два вопроса — сказал Судья:

1. Что такое «цицит»?

2. Неужели из-за этих дурных, просто странных, отличий, существует такой ужасный антисемитизм?

— Цицит — это некая «под-одежда» религиозных евреев, надеваемая под рубашку, на которой есть (и они, собственно, суть «цицит») некие «хвостики», которые обычно выпускаются наружу, поверх штанов.

Профессор Беершевского университета, Ирмиягу Брановер, стал религиозным ещё в Москве, и там, во время международной конференции, к нему подошёл его советский коллега и прошипел: «Вы позорите советские кальсоны — неужели не могли одеть не рванные?!»

А ответ на Ваш Второй Вопрос, Господин Судья, немного длиннее. Ответив на него, я совершенно успокоюсь и пойду удить кошерные рыбные скелеты в Лете, с Вашего позволения.

Начнём с того, что значит БЫТЬ ДРУГИМ. Классический алгоритм (к которому Ваш покорный слуга пришёл в своих социологических работах, тоже помещённых на vixra.org) следующий:

— Такой ли ты, как я? Вижу, что не совсем, — кто же из нас ЛУЧШЕ? КОНЕЧНО Я! Что из этого следует? ЧТО Я ДОЛЖЕН ТЕБЯ НАКАЗАТЬ!

— За что же тебе меня наказывать?! ТЫ ЛУЧШЕ — и слава Богу! Не хотел же ты быть ХУЖЕ!

— Это ты брось, не морочь мне голову — только когда будешь мёртвым валяться у меня под ногами и гнить — только тогда ВСЕМ будет ясно, что ты ХУЖЕ МЕНЯ.

Эта проклятая одномерность, Господин Судья, — эта примитивная ось «хуже-лучше» дана нам Дьяволом. Но это, конечно, относится не только к ненависти к евреям, ведь сколько себе подобных — за свою ужасную историю *амбиций* — физических

и интеллектуальных — перебил «Homo Sapience»! Да какой он «Sapience», — скорее «Insanus», или «Fatuus» — этот не разумный, а именно БЕЗУМНЫЙ человек! Как мы можем, как смеем, сами судить о своём разуме, погружая этим себя в идиотскую уфорию наркисизма?!

Однако, я, как «технар», считаю, что нет дыма без огня, и, в отличие от многих (обычно интеллигентных) — евреев, не собираюсь пользоваться спасательным кругом утверждения, что антисемитизм — это нечто иррациональное и необъяснимое. ЕСТЬ некоторое отличие между еврейским (более чувствительным и более философским) и нееврейским мышлениями. А о том, что значит БЫТЬ ДРУГИМ мы только что говорили.

Для того чтобы понять, как важна эта разница в мышлении, я воспользуюсь неформальной, даже наивной, но конструктивной аналогией. Представьте себе, что вас «кормят» некоей интеллектуальной пищей, попросту информацией, и сравните это с приёмом обычной пищи. Если обычные органы вашего пищеварения не могут разложить пищу на составляющие, и распределить эти элементы в организме по нужным местам, то есть ПЕРЕВАРИТЬ, — но кто-то вас упрямо кормит такой НЕПОДХОДЯЩЕЙ ВАМ пищей — то вы постараетесь такого убить, а если их шесть миллионов — так и всех их. Точно так же — говорю я вам — если ваше мышление не в состоянии «переварить» поступающую информацию, то есть понять её состав, «разложить по полочкам» и так усвоить — то постоянное получение такой информации, будет вас бесить.

Это не имеет никакого отношения ни к справедливости, ни к логике. Просто надо понять, что природа когда-то дала (Б-г дал) нам законы мышления раз и навсегда, — точно так же как она дала (Он дал) нам, раз и навсегда, законы и органы обычного пищеварения. И не расхваливайте перед всеми (не хочу сказать «быдлом», или «черню»), хотя у Пушкина такие определения можно встретить) Архимеда, Гаусса, Шекспира и прочих гениев — потому что это неподходящий пример для обычного человека, — ничего кроме опасного интеллектуального пере-

утомления, личного оскорбления, и РЕЗУЛЬТИРУЮЩЕГО ОРГАНИЧЕСКОГО СТРЕМЛЕНИЯ К ЖЕСТОКОСТИ, простой человек от таких примеров получить не может.

Это совсем не случайно, что уже в 1922 году — то есть задолго до прихода Гитлера к власти — на съезде нацистской партии Германии, было предложено убить Эйнштейна. Он, УЧЁНЫЙ, кому-то мешал?! Конечно, и ещё как!

Кстати, Эйнштейн никогда не говорил ни о каком умственном превосходстве евреев — да и НЕТ никакого такого превосходства — но с гордостью отмечал еврейское УВАЖЕНИЕ К ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМУ. Имея совершенно другую систему ценностей, Гитлер понимал всё иначе, а Христос, который (в отличие от многих последователей своей религии) любил свой народ — видел это различие, и предвидя Катастрофу, сказал евреям: «Не мечите бисера перед свиньями.»

Антисемитизм популярен, потому что он упрощает то, что евреи усложняют...

— Но не для того же Г-дь заставил воды моря расступиться, чёрт возьми, чтобы вы что-то усложняли! — сказал дрожащим голосом судья.

— В целом, мы вовсе не усложняем, а как-раз упрощаем; это те, перед кем Христос запретил метать бисер, и которые не видят дальше своего носа или корыта — считают, что мы усложняем. Разве я тут что-то усложнил, а не прояснил? И насчёт расступания вод моря, — это тоже очень просто. Никакого в этом чуда нет, — просто это был Знак Всевышнего, что так же как эти воды отдалились от нас, так и народы расступятся на нашем пути и не захотят касаться нас, — нас несущих Его Слово.

— Но неужели эта ваша изоляция кажется тебе чем-то нормальным?

— А что Вы хотите, Господин Судья, — чтобы эти водяные стены сомкнулись и упали на нас со своими мокрыми объятьями и поцелуями, как это произошло с Египтянами, которые за нами гнались на своих роскошных колесницах? Как эти Египтяне погибли физически, — так и мы бы погибли духовно,

потеряв своё особое видение жизни, и вместе с этим свою уникальную миссию Его Воли. И неужели Вы не заметили, что именно тогда, когда Ицхак Рабин стал говорить о мире с Палестинцами — именно тогда стали взрываться автобусы в Иерусалиме и Тель-Авиве?!

— Ой, да не говори ты со мной о политике — это слишком серьёзно и туманно для суда, и в «Алисе» я тоже никакой политики не припомню, — сказал Судья с раздражением.

— Тогда я ВСЁ СКАЗАЛ и торопиться мне уже некуда — похороны без меня не начнутся, разве что по роковой ошибке поклонников Автора. Мне осталось только ответить на одно глупое предложение, которое Вы, Господин Судья, сейчас хотите мне сделать, но не знаете, как.

— Как! Так ты уже знаешь, что я ХОЧУ! Так ты всё-таки стоял на балконе у Пилата, Чертова Морда! — воскликнул Судья — а ещё клялся, что будешь говорить только правду!

При этих словах, Судья очертил вокруг себя круг и пробормотал какие-то заклинания, из которых Старичку послышалось «Ойвэй, гоголь-моголь!», хотя это на самом деле было не «вэй», а «Вий».

— Прошу Вас подбирать слова, Господин Судья, — сказал Старик — во-первых, искренняя клятва чёрта чего-нибудь да стоит, а кроме того, Вы ведь понимаете, что я не один стоял ТАМ на балконе, и мне нельзя рассказывать всё, что я там слышал. Да и зачем мне портить Вам настроение?! Открою только как одолжение (но это сугубо между нами), что Пилат объявил, что только тот, кто быстро ответит на «Второе Домашнее Задание» автора, данное ниже, — получит благословения не просто Олимпийских Богов, а и самого внука Главного Раввина Ленинграда!

— Ну да ладно, — прощаю, — сказал Судья — мне ведь никогда на этих идиотских судах — которые простую гильотину заменить всё равно не могут — не было так интересно, как сегодня! Так будь добр — ещё пару слов на прощанье...

— Но как же с моей обещанной казнью, Господин Судья? Мы же договорились, что я Вам напомню.

— Ой, — я совсем забыл, дорогой Цезарь! ОЙ! НЕТ... СТАРИК!

— Не расстраивайтесь, Господин Судья! Я тоже никак не могу отделиться от склероза, но часто могу о нём забыть. Жить под бременем склероза — наша старческая Villa De La Rosa!

— Слушай, Старик, ты уронил какой-то свой рисунок. Я понимаю — мне надо нагнуться перед тобой, чтобы поднять его, — так ты меня изучаешь. Этот еврейский романтизм (везде у тебя — и тут, на рисунке) — НЕ ИЗ МИРА ФИЗИЧЕСКОГО, А ИЗ МИРА ПСИХОЛОГИИ, в котором вы — и особенно такие внуки раввинов как ты, всё время находитесь, — мне даже нравится. Я бы хотел оставить его и НАМ. Да! Весь бы Еврейский Мир оставить хотел — а не только самостоятельно созданные нами груды еврейских тел и детских ботинок.

— Так вот, — продолжал Судья, — поздравляя тебя с нашей добротой — я предлагаю тебе прекрасный компромисс — мы убьём тебя только наполовину — ТЫ ПРИМЕШЬ ХРИСТИАНСТВО!

— Ах, Господин Судья, — Вы очень добры, огромное старосердечное спасибо за желание отрубить мне только полголовы, чтобы я не мог сказать «Иду на Вы!», но боюсь, что вы собираетесь убить мою ЛУЧШУЮ половину! Ведь когда мы встречаем Субботу — мы говорим: «бОи, кала!», то есть «Иди ко мне, невеста!». Кроме того, Ваш компромисс просто и физически невозможен, как объясняет следующая история, которую, к сожалению, я не сам придумал, и она даже не подслушана мною на том самом балконе. Вы только послушайте её, Господин Судья, — и всё сразу поймёте без объяснений!

— В одном чудном христианском городе, — начал старик — маленьком и пыльном — где Вы жили ребёнком, и в котором был только один общественный туалет, конечно на городском рынке, вовсе не пришедший к Вам весной из какого-то Парижа, — жил Еврейский Портной. Его костюмы восхищали — я даже осмелюсь сказать ПОХИЩАЛИ (ведь эти хитрюги ничего просто так не делают ...) весь город, но городское начальство

Найди настоящую Марию!

и духовенство не могли носить их — ведь несмотря на всю свою хитрость, евреи так и не научились носиться по городу с воткнутыми в них иголками, с достаточно любезной улыбкой.

И пришла к Портному — опять же не из Парижа, а прямо с рынка, — делегация высочайшего ранга, и стала уговаривать его принять Христианство. Это блестящая идея решала все проблемы одним ударом, но наш Портной заупрямился, ссылаясь на Синайскую Гору, на ЦРУ, восклицая: «Я не вру, не вру, не вру, и прям в морду заору!», и прыгая как кенгуру в глубочайшую

нору. Но когда начальство что-то хочет, и ножи упрямо точит, — твоя жизнь становится невыносимой.

— Ладно — сдался в конце концов бедняга — что же я должен сделать, чтобы с Вашей великодушной и благодатной Божией помощью стать Христианином?

— Да Мы просто побрызгаем на тебя водой, и скажем что с этого момента Вы (**ты**, пока ещё) стали Христианином.

— Так просто?! Что же Вы сразу не сказали?! А я-то, как идиот, упрямялся...

— У нас будет только маленькая просьба к тебе. Поскольку весь город знает — хотя христиане никогда и не сплетничают, — что ты покупаешь на каждую субботу рыбу — то, чтобы люди не подумали, что ты остался евреем — сделай свою субботнюю трапезу, — видную через окно, если залезть на старый дуб против твоего дома, — не рыбной.

— Никаких проблем! Уж если я себя то меняю — какую-то трапезу

И побрызгали они на бывшего еврея святой водой — и действительно (ну не врал же он!) стал он красавцем христианином с чёрно-бурой бородой. Это было даже более эффектно, чем превращение Ивана в красавца в обожаемом мною «Коньке-Горбунке» Петра Павловича Ершова — одного из лучших университетских студентов своего времени! (Ах, мне бы таких!)

И пришли, в первую же субботу, представители таким образом обогащённого, и доверчивого (не зря же Христос учился в Иешиве!) Христианского Мира — проверять что же эта облагороженная морда ест. И какое же было их возмущение при виде стола с рыбой, которую наш новоявленный христианин уплетал с огромным аппетитом.

— Что это такое, **ч.в.**?!

— В чём дело?

— Вы же обещали не есть рыбу!

— Но это же не рыба, а картошка!

— Думаешь мы слепые?!

— Конечно нет, но я побрызгал на рыбу водой, и сказал ей, что она картошка.

Бунт судьи

Слушай — сказал судья, так потрясённый какой-то мыслью, что перед этим даже попытался закрыть рот (и при этой самой попытке, все мухи, и осы, и даже один шмель, тут же вылетели из его рта, — и прямо в окно), — конечно, я хотел услышать что-то из еврейской мудрости, и поэтому ты имеешь честь быть здесь. Однако, ты уж очень тянешь в сторону ваших проблем, даже если они — согласен — по своей сути не только еврейские. Конечно, ваши пророки, свободный день в неделю, и чудесное благословение коэнов нужны всем, но ты что, не понимаешь, что если ты не будешь плясать под мою дуду, и вдруг перескочишь на сионистскую пропаганду, то один из тех, кого можно видеть в окне, на одном из балконов Здания Времени — исключит меня из партии и поставит к стенке. Или же я умру в ссылке, как какие-то никому не нужные тунейдцы, Мандельштам и Пастернак? Мы же просто решаем вопрос: КАЗНЬ, ИЛИ ЖИЗНЬ, — НА ЧТО ПРОСТОЙ НАРОД-ТО ПРИГЛАШАТЬ — ЧТО ЕМУ ЛУЧШЕ? ТАК ПРИ ЧЁМ ТУТ ЕВРЕИ?

— Ну, что Вы, Господин Судья — возможно я неудачник, но не предатель, и на сионистскую пропаганду не переключусь. У меня же все студенты всегда были идиотами, — но я их никогда не предавал, и никого не оставлял одним, хотя ещё как потел во время экзаменов, всё время танцуя, то с Музой, то с Лилит, то с Дарьей Мельниковой — любить, так любить!

Но дело вообще не в нас, евреях, а в великом Русском Языке — в котором КАЗНЬ и ЖИЗНЬ вовсе не противопоставляются, ВЕДЬ ЖИЗНЬ В РОССИИ — ЭТО НАСТОЯЩАЯ КАЗНЬ!

Взгляните, Господин Судья, на Здание Времени, и обратите внимание, на следующие выражения — просто примеры из этого справедливого языка:

«Мне скучно до смерти.»

(Чехов, «Моя Жизнь»)

«Смерть люблю я узнать, что есть нового на свете»

(Гоголь, «Ревизор»)

«Очень поэтично, ... но ты смерть как скучно рассказываешь»

(Федин, «Необыкновенное Лето»)

«Такая жизнь была для неё настоящая казнь»

(многие авторы)

«Именно когда мы для многого умираем — наша мысль оживает»

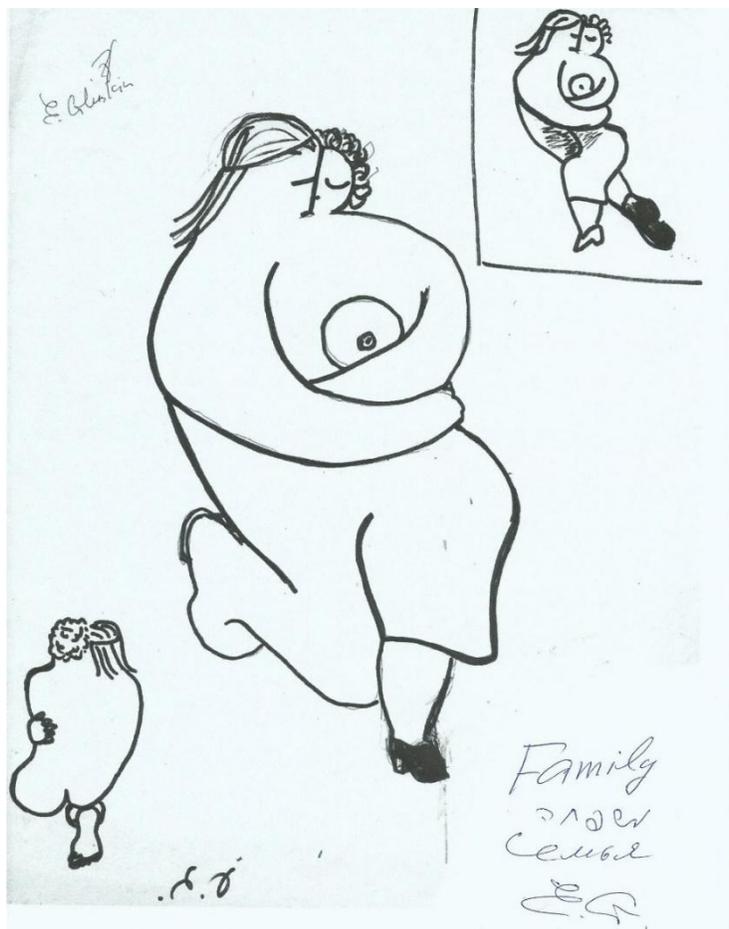
(Эмануил Глушкин)

Жизнь — это казнь под общим наркозом,
Путь этой казни извилист и долог
И не ведёт к совершенству и розам;
Смысл её — и обиден и колок:
Муза — вот лучший анестезиолог!

Но, всё-таки, ИМЕННО У НАС, ЕВРЕЕВ, жизнь и смерть всегда переплетались, как ни у какого другого народа. Так что всё это по теме, Господин Цезарь! Ой! ГОСПОДИН СУДЬЯ.

— Слушай, я помню твой стих где ты пляшешь на свадьбе своей дочери. Но как заключаются еврейский свадебный контракт? Мне это необходимо знать, чтобы сплетничать с соседками по выходным.

— Есть стандартная процедура, но поскольку у Вас, господин судья, нет тех самых очаровательных Одесских Часов (хотя, вообще-то, у Вас есть ВСЁ) — она Вам ни к чему. Но я помню один не слишком утомительный (реально-израильский) случай. Парень привёл девку на кладбище, и сказал: «Тут мой дед, это бабка, это тётка, — ты хочешь здесь лежать?» Она сказала ДА, и они поженились. Она сказала ДА как И, а не как ИЛИ, и вообще соображала быстро, — а почему на умной-то девочке не жениться? И вот всё получилось так как на этом рисунке:

Еврейская семья

— Подсудимый! Вы хотите что-нибудь записать в нашу Книгу Жалоб, Предложений, и Разрешённых Мнений? — Судья стал чертовски любезным.

Слегка промахнувшись, Старичок плюнул на огрызок карандаша, который протянул ему судья, доставший этот огрызок из засаленного кармана вместе с бутербродом с салом, и записал:

РИФМЫ тут мне не хватает
Средь Присяжных Непременных —
Той, которая братает
Два понятия надменных —
Той, о ком сказать не грех,
Что она одна для всех!
Той, что не поморщится
Быть голов уборщица...

Ой! СЕЙЧАС она влетает
И сама всех удивляет;
Ах как любит зал большой —
Она, русская душой!

— Я всё-таки не понимаю — сказал Судья с неожиданно наворачнувшимися слезами — зачем тебе надо было так меня обижать, подчёркивая еврейство Христа?

— Его мать была еврейка!

— Но его отец — Б-Г!

— А это не надо подчёркивать — это очевидно из всех картин «Мадонна с Младенцем». Если бы у него был обычный отец, — то на руках у страшно усталой Матери был бы не только Младенец, — но и ещё какой-то небритый пьяный мужик с дымящей папиросой, за которым Младенца и видно бы не было, — так ведь оно в любой семье! Посмотрите, хотя бы непрерывные сплетни на ФБ, наивно украшенные всякими картинками и скульптурами, и только представьте себе, что Мария не сидит с Младенцем, а выходит из ванны с мраморным полотенцем. Это же какой-то ужас! Ну, ... представили? Как Вам не стыдно, Господин Цезарь!

При слове «Цезарь», произнесённом с неожиданным ударением, уже успевший задремать Цинциннат — которому это всё было немного трудновато (но это же его и спасло) — испуганно подскочил, и как бы — ещё не встав — попытался, дёрнувшись, принять стойку «смирно» и отдать честь. Но он не успел это сделать, как с изумлением увидел, как Старичок и Судья,

обняв друг друга за плечи, — КАЖДЫЙ С ГОЛОВОЙ ДРУГОГО
НА СВОИХ ПЛЕЧАХ — декламировали вместе в унисон:

Подтянем же на Пегасе подпругу,
И будем, от зари до зари,
Цезарями любезными мы друг другу,
Как истинные цезари
(А Старик ещё и как Кузари)!
И помчимся мы шибко,
С этой всех ошибок ошибкой,
И ошибкою всех ошибок,
Погружаясь в счастливый рок,
И чтоб скачка была лихая —
Шпору Пегасу втыкая
В его музыкально-ксилофонный бок;

И начинаясь прямо отсюда, —
Из «Приглашения на Жизнь» родом —
И прямо за Пегасом в карете,
Счастье с Музой едет и светит
НАШИМ ОЧЕНЬ ХОРОШИМ НАРОДАМ,
И НАШИМ ОЧЕНЬ ХОРОШИМ ДЕТЯМ!

Конечно, для Цинцинната не представляло труда понять почему Судья и Старичок обменялись головами. Всякий римский ребёнок знает историю о том, как два всадника как-то соревновались в том, чей конь придёт ПОСЛЕДНИМ к цели. Поскольку им было скучно ехать медленно — они обменялись конями и помчались наперегонки.

Но у слушателей суда было и более простое объяснение: как и все старики, и Судья и Подсудимый (да и Автор тоже) уже должны были — по правилам современной медицины — пройти две стандартные операции: сначала заменить голову, а потом туловище.

Второе домашнее задание

В следующем стихе требуется БЫСТРО заполнить все 32 пропущенные буквы, но только если Автор подмигнёт Вам, уважаемый читатель, то Вы с этим справитесь:

ОДНОЙ ЧУДНОЙ ДЕВОЧКЕ

(Замечаю — НЕ ЛОЛИТЕ — вы меня не подведите!!!)

Не добавляя от легенд —
Нужды в которых вовсе нет
У девочки в тринадцать лет —
И стоя на одной ноге
(То бишь, всё кратко говоря):
ЛЮБВИ БОЛЬШОЙ, НАДЕЖДЫ, ВЕРЫ
ЕСТЬ ОКЕАНЫ И МОРЯ —
ТЫ ПОСМОТРИ ВОКРУГ СЕБЯ,
И ТЫ НАЙДЁШЬ СЕБЕ ПРИМЕРЫ!

По глади, по волнам любви
Ты обязательно плыви...
Да потому, хотя бы, — ведь
Дома весь век не усидеть —
Закон не писан вам, красам —
И даже щёчкам-парусам
Не запрещается алеть...
(А не сказал — БОГ СПАС — «краснеть» ...)

Но где же парня сердца стук
Чтоб выстучать любимой вдруг:
« _____ (9) _____ (8) _____ (7)»?
Но и твоё ведь не молчит —
А молотом в ответ стучит!

Уж и шампанского искры пенятся;
И где просто вино —
Это всё одно —
Что-то в фамилии ведь изменится,
Иль хотя бы удвоится;
А как мамочка слезами умоется —
Так утешет её Православная Троица!
Но застрадает всё ж мать на скамеечке —
Что же деточка не в телогреечке?!

Но не простое платье доченьке кроится —
Уж красавица не поленится —
И не много сама то накрадится —
А платье блёстками и колокольчиками украсится!

И вот папочка достаёт перо,
А за ним конверт
И не нулится он, и не скупится!
А как встанет в «ферт» —
«Ай да Батюшка — мы ему Добро! —
Заорёт в восторге вся улица...»

А чудесная, верная Муза —
Та, что теперь уже и от мужа —
Что в вальсе с обоими кружится —
Так на свадьбе, бедняжка, напилася
(Ах, как это поэтам всем мило!) —
Что чуть с ноженек быстрых не сбилася,
И чуть от любви там не померла —
А как 12 часов то пробило —
На Пегасе к Господу взвилася —
Рассказать о веселье _____ (8),
Попросить благоденствие городу,
Рассказать о невесты игривости,
И дыхнуть Господу в бороду
Чтоб поверил её правдивости!

Давай скажем «Шалом» уже Музе
И её поэтической позе,
Перейдём, госпожа моя, к прозе —
И отдав Победителю приз,
С ним фотографу скажем все: «Cheese»
Совершенно на полном серьёзе!

Это задание особенно подходит одной талантливой девочке, которая обязательно прочтёт «Приглашение на Жизнь», если только папа ЗАПРЕТИТ ей это делать. Я, конечно, не знаю нравов украинской молодёжи, но, всё-таки, происходя от Раши, который из рода царя Давида — я происхожу и от Рут Моавитянки, не родившейся еврейкой, так что кое-что могу понять в этом девичьем упрямстве, одним своим древним геном.

Благодарности

Начало рукописи печатала чудесная ленинградка Серафима Азимова — наша дорогая умница. Я благодарен Олегу Антонову, — выдающемуся украинско-русскому поэту-авангардисту, познакомившему меня с Набоковым. Я надеюсь, что Олег когда-нибудь напишет своё философско-поэтическое сочинение, приглашающее меня на жизнь, и дополнительно освещающее — **его собственной «набоковской траекторией»** — затронутые вопросы.

Если да, — то наша с ним мысль будет — от весеннего тающего снега — как обтекающая все камни река, и возможная наша с ним полемика — не только для Олега, или меня, Эмика!

NOTA BENE: Vixra.org. сохраняет все предыдущие версии манускрипта. Наибольшая симпатия Олегу получилась выраженной в v4. Как всегда, если процесс не периодичный, он имеет экстремум, который оказался тут в четвёртой версии.

Например, поскольку красота Вашей жены на расстояниях ноль и бесконечность равна нулю, то есть расстояние (например, за окном вагона) на котором она максимальна. И вообще сердиться на меня никогда не надо, а то, как решил Господин Судья, я никогда так и не стану приятным человеком.

Я также очень благодарен моей жене Шуламит, — но не за то, что я всегда хожу сердит как динамит, — а за то самое окно в Зале Суда. Дело в том, что Шуламит каждую субботу загоняет меня в синагогу, как осла в хлев (это чтобы я меньше сердился), где моё место у окна, за которым стоит довольно интересный новый дом, который и послужил прототипом Здания Времени.

Для того, чтобы хорошо видеть этот дом, я отдёргиваю занавеску. Мой сосед пихает мне её обратно, а я снова к нему. Вы конечно понимаете, дорогие читатели, что складки занавески напоминают складки юбки, — а это никак нельзя! Поскольку я старше, сосед в конце концов уступает, и я становлюсь достаточно сосредоточенным чтобы начать молиться. Так как я ни в каких Иешивах не учился, ни в Пскове, ни в Ленинграде, то, в отличие от других прихожан, я плохо знаю слова, но у меня есть своя, самая важная, главная молитва! Именно, — я прошу Б-га, чтобы он ПРИНЯЛ всё это бормотание вокруг меня. Подумайте только — что было бы, если бы Он его не принял! Но я этого не допущу!

Я также не знаю ТААМИМ (звуковых нюансов), необходимых для грамотного чтения Торы (Ветхого Завета). Но когда мой сын стал (в дальнейшем, весьма востребованным) чтецом Торы, — я ему сказал: «Я ничего не понимаю в этих ТААМИМ, но когда ты будешь читать — Я ХОЧУ СЛЫШАТЬ НЕ ТОЛЬКО ТОРУ, НО И ШУМ ОГНЯ, ПОЖИРАЮЩЕГО ТОТ САМЫЙ КУСТ ПРОТИВ СИНАЙСКОЙ ГОРЫ.» **И ТАК ОН ЧИТАЕТ!** Это, конечно, комплимент не мне, а моим генам, переданным ему мною, недостойным этой чести, и прежде всего комплимент Шуламит!

Вот вам все благодарности автора, а благодарности Старичка Судье будут даны после следующего заседания суда, где

будет решаться вечная проблема человечества — чью голову и с чьих плеч снимать. Будет строго доказано, что канал В.В. без воды — успешно заполняется водкой, селёдкой, и конечно картошкой. Но то, что воды Красного Моря в своё время расступались, это другая тема, и ЧТО ИМЕННО имел в виду В.В. под своим «каналом без воды» мы никогда не узнаем, потому что угадывать я уже устал, да это и некрасиво делать. Даже Игорь Северянин согласился бы со мной, что угадывать мысли Набокова, — это как заглядывать Музе под юбку.

Оглавление

К читателю	4
Первое домашнее задание	5
Эпиграфы	5
Исходное положение	17
Но как это, всё-таки, возникло?	19
Начинается!	21
Мысли мои, мысли... думы мои, думы	26
Зал суда	29
Еврейская тема	33
Немного о себе	40
Ещё о маме, моих детях, и Соне	84
Слабость как преступление	88
Ещё об уважении к людям	91
Суд	98
Слово судье — «словосудие»	99
Старик и горе	103
Бунт судьи	120
Второе домашнее задание	126
Благодарности	128

Эмануил Глускин

Приглашение на Жизнь

Иллюстратор Ирина Титова

Иллюстратор Эмануил Глускин